

Глава III

ВЫСШИЙ РАЗРЯД ГОРЫГОРЕЦКОЙ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

ОСОБЕННОСТИ назревшего кризиса крепостного строя вызвали в 30-е годы XIX в. не только основание ГЗШ—первой общегосударственного значения сельскохозяйственной школы, но и учреждение Министерства государственных имуществ (МГИ)—нового специального центрального органа по управлению сельским хозяйством и сельскохозяйственным образованием.

Деятельность департамента при Министерстве финансов оказалась по сельскому хозяйству слишком узкой, ограниченной, подчиненной фискально-денежной политике Министерства финансов, тогда как хозяйственная жизнь страны выдвигала новые вопросы, в том числе и по распространению сельскохозяйственных знаний, требовала особого, более авторитетного и самостоятельного решения этих вопросов.

Начало образованию МГИ положил указ 29 апреля 1836 года об учреждении 5-го Отделения императорской канцелярии. В это Отделение передавались из Министерства финансов дела казенных крестьян Петербургской губернии. Затем в Отделение были переданы государственные крестьяне всей России, а 26 декабря 1837 года учреждено МГИ с П. Д. Киселевым во главе. Вновь учрежденному Министерству, к которому перешли все дела по сельскому хозяйству, в том числе и по сельскохозяйственному образованию, придавалось первостепенное значение и поэтому на него были ассигнованы суммы, превосходившие ассигнования на другие министерства. Вскоре (31 апреля 1838 г.) был издан закон о местных органах министерства: губернских казенных палатах, окружных, волостных и сельских управлениях, которые должны были, между прочим, наблюдать за усовершенствованием сельского хозяйства на местах и за распространением сельскохозяйственных знаний. Так возникли новый центральный сельскохозяйственный орган управления и его местные учреждения, оказавшие влияние на дальнейшее развитие и распространение сельскохозяйственных знаний.

Одновременно с учреждением МГИ и как бы в параллель ему появился и у помещиков проект учреждения своего рода Министерства частных имуществ. Проект такого учреждения под названием «Общество улучшения частного сельского хозяйства» был разработан высшими

ВЫСШИЙ РАЗРЯД ГОРЫГОРЕЦКОЙ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

столичными сановниками, служившими в министерствах и владевшими крупными имениями в различных губерниях России [96; 46—95]. Инициаторами «Общества» были высшие чиновники Министерства внутренних дел Шахматовы А. Н. и А. А., владевшие в Саратовской губернии имениями по 12 тысяч десятин. Затем к ним присоединились крупные помещики, как Кушелев—Безбородко, владевший 180 тысячами десятин в 12 губерниях, А. Е. Жадовский, имевший поместья в 12 тысяч десятин в разных губерниях и названный А. И. Герценом в лондонском листке «Под суд» (15.1 1860) «плантатором», и др.

Устав «Общества» проектировал с помощью первоначального капитала в 10 миллионов рублей объединить помещичьи имения сначала в некоторых губерниях, а затем во всей России путем как договоров с помещиками, так и покупки их владений. Предполагалось также для лучшего управления и хозяйствования в объединенных имениях: а) иметь в распоряжении «Общества» агрономов, опытных хозяев, технологов, механиков, фермеров, ветеринаров и других специалистов, б) учредить училище ветеринаров, садоводов и др., в) направлять способных людей в учебные заведения для подготовки управляющих имениями.

Один из учредителей «Общества», московский помещик Н. А. Жеребцов в дополнение к данному уставу проектировал объединение «капиталистов-агрономов», которые, «действуя с помощью значительного капитала и руководствуясь опытом всех членов своих и правилами науки сельского хозяйства, во всяком вверенном его управлению имении учредили бы хозяйство примерное...».

«Общество улучшения частного сельского хозяйства» не организовалось, а осталось только в проекте, во-первых, вследствие противоречия между капиталистическими планами «Общества» и барщинно-крепостным строем, на основе которого «Общество» строило свои планы, рассматривая крепостного и его труд своей собственностью, во-вторых, вследствие неверия помещиков, знакомившихся с проектом устава, в действительность мер, намечавшихся «Обществом» для улучшения их хозяйства, при все усиливавшихся крестьянских волнениях и обострявшемся кризисе крепостной системы; наконец, вследствие того, что одновременно с этой попыткой группы помещиков организовать в защиту своих прав и преимуществ было учреждено МГИ, которое, заявившись главным образом казенными имениями, имело в виду переустройство в дальнейшем и помещичьих имений.

Хотя проект помещичьего «Общества» не удался, но сама попытка помещиков объединиться на защиту своих интересов свидетельствовала о их бессилии справиться с новыми хозяйственными задачами и о необходимости заменить доморощенных управляющих и старост образованными специалистами по сельскому хозяйству (агрономами, ветеринарами и др.) и о необходимости учреждения центрального органа, который ведал бы сельским хозяйством всей страны, а не только помещиков. Эту роль взяло на себя МГИ.

П. Д. Киселев, руководивший министерством в течение 18 лет (с года его основания до 1856), дал управлению казенными крестьянами и сельскохозяйственному образованию иное направление, чем было до него в Министерстве финансов. Он стал заботиться об устройстве крестьянских школ и врачебных пунктов, об организации агрономической и юридической помощи крестьянам, о распространении сельскохозяйственных

знаний, т. е. о том, что создавало культурную и правовую основу для хозяйственного подъема страны. Отличие этой деятельности Киселева в крестьянском вопросе от политики Канкрин давало основание многим современникам считать МГИ «цитаделью либерализма». Хотя мероприятия Киселева исходили из феодальной основы, из стремления сохранить и укрепить помещичье хозяйство и носили характер покровительственно-попечительной опеки над крестьянами, но, по словам современного исследователя Н. М. Дружинина, эти мероприятия развивали производственные силы деревни, разлагали феодальный порядок и имели прогрессивное значение [49а; 245—267].

Руководство сельскохозяйственным образованием и наукой было передано особому (третьему) департаменту и Ученому комитету при МГИ. Первое отделение этого департамента ведало управлением сельскохозяйственных учебных заведений, а три остальных отделения — общим усовершенствованием сельского хозяйства, агрономическими обществами, сельскохозяйственными выставками, статистикой, изданием «Журнала МГИ» и «Земледельческой газеты».

Ученый комитет, состоявший из шести членов под председательством директора департамента, был учрежден в 1839 г., а в 1845 г. определен в своих функциях.

В обязанности Ученого комитета входили: 1) учебно-педагогическая сторона сельскохозяйственного образования: рассмотрение и определение предметов и курсов преподавания, учебных планов, программ, учебников; 2) рассмотрение книг и сочинений по сельскому хозяйству; 3) объявление конкурсов по разным отраслям сельского хозяйства; 4) переписка с обществами и отдельными лицами по сельскохозяйственным вопросам; 5) рассмотрение заслуг по сельскому хозяйству и определение наград; 6) наблюдение за научной и практической сельскохозяйственной жизнью в Западной Европе и т. д.

Директором 3-го департамента и одновременно председателем Ученого комитета с момента их учреждения и по 1844 год был Е. Ф. Бадке, бывший перед этим попечителем Киевского учебного округа и назначенный в МГИ после временного закрытия Киевского университета в 1839 г. в связи с политическими выступлениями студентов. Для руководства Ученым комитетом у Бадке не было соответствующих знаний. Бадке сам признавался в этом: «Положение мое, — писал он, вспоминая работу в МГИ, — было тяжело... Сельским хозяйством хотя многократно и занимался я практически, но настоящих, систематических сведений по этой части не имел и лишь урывками восполнял чтением мое невежество» [105-б; 289—290]. Невежество Бадке в сельском хозяйстве, а главное его консерватизм были причиной частых столкновений с министром П. Д. Киселевым. Эти столкновения Бадке, оправдывая себя, объяснял страстным, нетерпеливым характером Киселева. В действительности же они вызывались не только характером Киселева, но стремлением Бадке продолжать в министерстве канкриновские традиции и противодействовать реформам Киселева. Это проявилось, например, в описанном выше подборе административно-педагогического персонала ГЗШ.

Члены Ученого комитета, как и чиновники центрального аппарата МГИ, были подобраны Киселевым из лиц образованных и свободных от крепостнических взглядов [49-б; 88—91].

В первый состав Ученого комитета входили: 1) Левшин А. И. (1799—1879), окончивший Харьковский университет, впоследствии один из ор-

ганизаторов и участников географического общества, учрежденного в 1845 году, и участник крестьянской реформы 1861 года [49б; 554—55]; 2) Заблоцкий А. П. — он же Заблоцкий—Десятовский (1807—1881), окончивший Московский университет, магистр физико-математических наук, редактор «Журнала МГИ», писатель-экономист, считавший, что для освобождения крестьян «время созрело»; 3) Веселовский К. С. (1819—1901), окончивший Царскосельский лицей, помощник редактора, а затем редактор «Журнала МГИ», начальник статистического отделения министерства, впоследствии ученый статистик и климатолог, член Академии наук; 4) Каппен П. И. (1793—1864), окончивший Харьковский университет, ученый статистик, член Академии наук; 5) Одоевский В. Ф. (1804—1869), окончивший благородный пансион Московского университета, разносторонний либеральный общественный деятель и педагог.

Члены Ученого совета Заблоцкий, Веселовский и Одоевский были близки к передовой молодежи 40-х годов и поддерживали начинания Киселева. Они сотрудничали в «Отечественных записках», бывали на собраниях у редактора этого журнала Краевского А. А., где встречались с Белинским В. Г., Милютиным В. А., Панаевым И. И. и другими передовыми деятелями. Заблоцкий вместе с Одоевским начали издавать «Сельское чтение» — единственное в 40-е годы неперiodическое издание для крестьян, получившее положительный отзыв Белинского: «Сельское чтение» весом своей внутренней ценности перетянет многие пуды романов, повестей, драм» [36; 356].

При Ученом комитете МГИ в 1839—1840 годах проходила служба Б. А. Целлинского (1812—1886) и Б. Г. Михельсона (1812—1887) в качестве прикомандированных к департаменту сельского хозяйства после обучения в Тарандской академии в Саксонии (3; № 31 и 78). Для характеристики значительной деятельности Целлинского и Михельсона в описанной далее истории ГЗШ и ГЗИ необходимо остановиться на некоторых данных из их жизни до назначения в ГЗШ.

Оба они — сыновья латвийских крестьян, живших, как и другие крестьяне Латвии и Эстонии после 1819 года, на положении арендаторов помещичьих земель. Воспитанные в условиях крестьянского труда, Целлинский и Михельсон при обучении в Дерптском университете (1831—1837) нашли благоприятную обстановку для развития и укрепления своего влечения к сельскому хозяйству в открывшемся при университете практическом учебном заведении сельского хозяйства — Альткустгофском институте. Антикрепостнические, освободительные идеи в крестьянском вопросе увлекали в это время передовую учащуюся молодежь Дерптского университета, как и других русских университетов [44б; 183]. При окончании университета для получения кандидатского звания они писали сочинения на сельскохозяйственные темы: Целлинский — «Исследование о нынешнем состоянии сельского хозяйства в Лифляндии», Михельсон — «Об условиях крестьянского труда в Лифляндии» [5; № 28152 и 28153]. Направленные затем для подготовки к преподавательской работе в ГЗШ в Тарандскую земледельческую академию, Целлинский и Михельсон обучались там два года (1837—1838). Получив после окончания академии прикомандирование к департаменту сельского хозяйства, оба прибыли в МГИ, оставались в нем два года (1839—1840) и пользовались поддержкой в своей работе

со стороны названных деятелей Ученого комитета, занятых в это время реформой положения государственных крестьян.

Для характеристики взглядов и дальнейшей деятельности Целлинского, как одного из главных организаторов и профессоров ГЗИ, показателен его первый научный труд — диссертация, защищенная в 1841 г. при Дерптском университете на ученую степень магистра [5; № 28152].

Как тема диссертации «Анализ нового основного налогового кадастра в Саксонии», так и ее раскрытие показывают агроэкономическую направленность научной мысли Целлинского и его попытку разработать точный, так называемый реальный поземельный налог, который оберегал бы крестьянина с его клочком худой истощенной земли и ложился бы на помещика, владевшего хорошими землями. Целлинский считал, что мероприятием, способствующим установлению реального налога, может быть поземельный кадастр, применявший новые данные сельскохозяйственной науки о доходности земли, популярный после французской революции XVIII века среди общественных деятелей в некоторых западных государствах, но встречавший противодействие со стороны помещиков, плативших налог по устаревшим расценкам. Он предполагал составить свою работу из двух частей: классификация земель, как основа для определения оценки и налога, и анализ налогов по кадастру в Саксонии (1834), но ограничился составлением только первой части, за которую и была присуждена ему магистерская степень.

О содержании диссертации можно судить по следующим названиям отдельных ее разделов: топографическая съемка площади, климатические свойства данной местности, физико-химическая классификация почв, органические элементы почвы, классификация лугов, близость населенных городов, рыночные цены на хлеб, способы оценки земли. Основные положения диссертации следующие:

1. Хотя земельная рента возрастет вместе с имущественным благосостоянием, но ее повышение ни в коем случае не может быть средством, способствующим этому благосостоянию.

2. Теория Мальтуса о населении, благодаря успехам новейших исследований по естествознанию и благодаря успешному применению данных политической экономики к народной жизни, оказалась несостоятельной.

3. Распространенный взгляд среди сельских хозяев о том, что о плодородии земли можно судить по листве возделываемых на данной почве растений, лишен научного основания.

4. В некоторых частях северной России искусственное возделывание кормов применялось раньше, чем в северной и средней Германии.

5. Развитие сельского хозяйства в Лифляндии немислимо без преобразования положения крестьян.

Данная научная работа Целлинского соответствовала предпринятой в это время (1838—40) министерством реформе по ликвидации крестьянского малоземелья и по переводу крестьян с подушного оброка к оброку на земли и промыслы. В № 1 «Журнала МГИ», начавшего выходить с 1841 г. была помещена статья «Об основаниях теории кадастра» (стр. 135—146) с популяризацией этого мероприятия. «Цель кадастра, — писалось в статье, — сложить тягость с того, который ничего не имеет или обладает ничтожным лоскутком земли, и заставить платить того, который владеет многим». Статья помещена без подписи, как бы от редакции, но сравнение ее с приведенной диссертацией говорит о несомненной принадлежности ее Целлинскому.

После защиты диссертации Целлинский был направлен в 1841 г. в ГЗШ профессором агрономии.

Первым актом Ученого комитета МГИ в области сельскохозяйственного образования было Положение об учебных фермах 1841 года. Положение сопровождалось планом основания ферм в губерниях, «кои существенно различны между собою по климату, почве и быту поселян». По плану было открыто в течение 40-х годов семь следующих учебных ферм и определен район их обслуживания: центральная — Тамбовская, близ Липецка, северная — близ Вологды, южная — Харьковская, три восточных — Казанская, Самарская и Саратовская и западная — Горыгорецкая. Была также преобразована в учебную ферму Луганская образцовая ферма Екатеринославской губернии [23; 14—22].

По Положению в каждой ферме должно было обучаться в течение четырех лет 150 казенных и 50 помещичьих крестьянских мальчиков в возрасте от 17 до 20 лет. Принимались мальчики элементарно грамотные, а при отсутствии таких и совершенно неграмотные. Фермой ведал управляющий — агроном с высшим образованием.

Обучение на ферме было главным образом практическое; из теории изучались под руководством управляющего основы земледелия, обязанности государственных крестьян и скотоврачевание и под руководством одного учителя — русская грамота и четыре правила арифметики. При фермах устраивались образцовые крестьянские усадьбы, на которых ученики в последний, четвертый год обучения изучали крестьянское домоводство. Учение должно было проходить в обычных крестьянских бытовых условиях в отношении одежды и пищи, «дабы воспитанник нимало не был отклонен от обыкновенного крестьянского быта». По окончании учебной фермы ученики возвращались на свое местожительство, чтобы устраивать образцовые крестьянские усадьбы, а самые лучшие из воспитанников могли поступать в ГЗШ «для приобретения высших познаний в агрономии» (§ 42).

Таким образом, в противоположность канкриновскому Положению о ГЗШ 1836 года, преследовавшему интересы помещицких хозяйств, Положение об учебных фермах — первый документ по сельскохозяйственному образованию в министерстве Киселева — отличалось своим крестьянским характером: фермы предназначались только для крестьян и имели в виду крестьянское хозяйство.

Учреждение учебных ферм, рассчитанных на крестьянских неграмотных и малограмотных детей, заставило МГИ обратить внимание на начальное крестьянское образование, так как было очевидно, что успешное распространение сельскохозяйственных знаний среди крестьянства зависит не только от учреждения сельскохозяйственных учебных заведений, но прежде всего от общего культурного уровня крестьян, от их грамотности. «Действие попечительства об устройстве хозяйственного быта крестьян, — писал Киселев в одном из своих отчетов, — должно идти наравне с народным образованием... Все нынешние приготовительные действия министерства, как-то: образцы на фермах, устройство лесов, осушение болот, травосеяние, луговое хозяйство, улучшение скота — должны усвоиться между поселянами и войти в собственные их хозяйства и домоводство. Но доколе укоренившиеся в народе предрассудки вследствие младенческого его состояния не позволяют видеть быстрой по сей части перемены, министерство поощряет развитие нравственного воспитания нового поколения, дабы прийти к цели усовершенствования

хозяйства и домоводства путем, хотя медленным, но верным и надежным» [54; т. II, 194—195].

Поэтому МГИ занялось открытием начальных крестьянских школ и вскоре заняло в области образования крестьян второе место (первое принадлежало духовному ведомству) и далеко опередило Министерство народного просвещения: в момент учреждения МГИ в России было 33 школы для государственных крестьян, а за 18 лет управления министерством Киселевым было открыто свыше 2,5 тысяч школ, в которых обучалось 110 тысяч крестьянских мальчиков и девочек.

Открытые крестьянские школы должны были распространять общую грамотность среди крестьян и в то же время подготавливать учащихся для учебных ферм и Горыгорецкой школы (ГЗШ), прием в которую, как описано выше, проходил с большим трудом (вместо предполагавшихся 50 учеников, было принято 7).

Для открывавшихся крестьянских школ потребовались учителя. В то время сельские учителя подбирались в основном из среды низших церковнослужителей — дьячков и псаломщиков. Считая, что такие учителя не смогут учить крестьян в духе намечавшихся реформ и сельскохозяйственных новшеств, ученый комитет МГИ решил открыть «особое центральное заведение для образования приходских учителей» и обратился в ГЗШ с предложением составить проект заведения при школе. Адъюнкт-профессор ГЗШ С. Федоров составил проект Положения «Училища для образования сельских народных учителей» при ГЗШ [1; № 563, 1840 г., —3; № 113]. Целью училища ставилось образование учителей, которые способствовали бы развитию нравственных качеств крестьян и обучали бы их главным правилам практического сельского хозяйства. Проектировалось, что учащиеся этого училища в числе 15—20 человек будут обучаться вместе с учениками ГЗШ по учебному плану и программам первого разряда. Только на третьем году обучения будущим учителям сверх предметов по сельскому хозяйству должны были сообщаться сведения по педагогике в процессе репетиций, проводимых с младшими учениками. Четвертый же год обучения учащиеся должны были заниматься педагогической практикой под руководством преподавателей ГЗШ.

Министерство утвердило Положение о педагогическом училище при ГЗШ, но только всего для трех учеников, имея в виду одно Горыгорецкое казенное имение, в котором до этого времени совершенно не было крестьянской школы, и предложило директору школы выбрать трех мальчиков у родителей-крестьян, которые пожелают определить своих детей в педагогическое училище. В августе 1841 г. крестьянам имения было предложено направить своих детей в училище, но крестьяне отказались это сделать, считая, что администрация школы преследует свои личные помещичьи интересы. Тогда были отобраны против воли родителей в Горках три крестьянских мальчика, которые приступили к занятиям с августа 1841 г., окончили свое учение в 1845 г. и были первыми учителями открытой в этом же году крестьянской школы в Горыгорецком имении.

Выпуском трех учеников и ограничилась вся деятельность крестьянского «Училища сельских учителей» при ГЗШ. Самостоятельная подготовка МГИ учителей для крестьянских школ вызвала неодобрение со стороны духовного ведомства. Не нравилось также духовному ведомству и то, что министерство давало своим крестьянским школам более светское направление, чем это было в церковно-приходских школах.

13 июля 1842 г. последовал правительственный указ о том, что сельскими учителями могут быть лица из духовного ведомства и что назначение их зависит только от Министерства просвещения и духовного ведомства. МГИ пришлось отказаться от собственных попыток в подготовке сельских учителей и набирать их тем же путем, каким набирали и другие ведомства.

Крестьянские или, как их называли, «поселянские» школы не располагали к себе крестьян из-за отсутствия хороших учителей, а учитель «поселянской» школы, кроме того, что не имел никакой педагогической подготовки, был совершенно бесправным, находясь в полной зависимости от волостного писаря и законоучителя. По воспоминаниям о 50-х годах С. И. Сычугова, отказавшегося от учительской профессии, «каждый из начальников мог третировать учителя сколько душе угодно, но особенно жутко ему приходилось от писаря. Волос становился дыбом, когда я слушал рассказы учителя о нахальнейших махинациях этого маленького, но в сущности всемогущего в волости администратора» [72; 235—236].

Наряду с деятельностью в пользу крестьянского общего и сельскохозяйственного образования, министру Киселеву пришлось выдерживать в это же самое время острую борьбу с крепостниками, которые, сохранившись еще в министерстве и в ГЗШ, противились реформам и продолжали крепостнические традиции. Таким крепостником, оставшимся в министерстве, был директор Департамента государственных имуществ в Министерстве финансов реакционер Дубенский, метивший в министры, вместо Киселева. Он был отрешен Киселевым от должности и отдан под суд за незаконное присвоение казенных земель и скупку аренд.

О явно крепостническом направлении ГЗШ было известно МГИ и его Ученому комитету как по Положению об этой школе и по составу административно-учебного персонала, так и по первым отчетам, которые присылал директор Стендер. МГИ не могло не остановить своего внимания на немецком засилье среди администрации и преподавателей школы, на невозможность при таком состоянии школы подготовить администраторов и агрономов, в которых почувствовалось нужду новое министерство. Вызывали сомнение и некоторые поступки директора и агронома Штейгера, которые дискредитировали сельскохозяйственную науку (например, введением многополья в самой бедной крепостной деревне) и свидетельствовали о несоответствии этих администраторов своим должностям.

Поэтому МГИ в марте 1841 г., не дождавшись окончания первого учебного года и пополняя Положение о ГЗШ, в котором совершенно отсутствовало какое-либо указание об условиях определения в школу профессоров и преподавателей и о их правах, установило, что: а) профессор агрономии и практический агроном должны иметь ученую степень не ниже магистра и уравнивались в правах с профессорами Нежинского (Черниговской губ.) лицея, б) помощники агронома и адъюнкты должны были иметь ученую степень не ниже кандидата и уравнивались в правах со старшими учителями гимназии и в) учителя русского языка и арифметики уравнивались с учителями уездных училищ. Должность директора ГЗШ в этом постановлении рассматривалась как должность учебная, равная должности директора гимназии, а не должность администратора ГЗШ и имения, как было по Положению 1836 года [23; 12—13].

Требование ученых степеней от профессора, агронома и их помощ-

ников и повышение их прав, с одной стороны, повышало значение ГЗШ, приближало ее к лицам, которые в это время занимали промежуточное место между университетами и средними учебными заведениями, а с другой стороны, вызывало необходимость пересмотра учебно-хозяйственного персонала ГЗШ.

Когда министр Киселев при своей поездке по России летом 1841 года навестил вместе с Бадке ГЗШ, то, заметив крепостнические замашки Стендера и его подручных, а в школьном имении крепостное хозяйство с произвольным применением барщины, предложил управляющему Могилевской казенной палаты Гинцелю и министерскому чиновнику Смирнову обследовать школьное хозяйство. Получив предварительные данные ревизии, вскрывшей злоупотребления школьной администрации, Киселев отстранил Стендера и Штейгера с декабря 1841 г. от должностей. Дело же «Об исследовании разных злоупотреблений, происходивших по управлению ГЗШ к причисленным к оной имением» [3; д. № 145 и 198] продолжалось, разрослось до 500 листов и выявило незаконные действия не только директора и агронома, но и еще 6 человек: помощника агронома Юнгмейстера, главного надзирателя Гинглинга, письмоводителя Туполева, эконома Саковича и фольварковых смотрителей Никифорова и Петрова. Все эти лица в мае 1843 г. особым решением МГИ были отстранены от работы в ГЗШ за незаконное пользование барщиной как открыто, так и скрыто—вписыванием барщинных работ, проводившихся для них, в ведомости среди работ на ГЗШ. Дело ограничилось удалением всех перечисленных лиц от должностей со взысканием с них в пользу крестьян стоимости тех сверхурочных работ, которые производились на них крестьянами. Стендер по удалении из ГЗШ возвратился к работе в МНП, а в 60-е годы дослужился до должности попечителя Казанского учебного округа, от которой также был отстранен за развал Казанского университета, после чего уехал за границу, где и умер [98б; 349—351—66; т. II, 385, 389].

Разоблачение и удаление первой канкриновской администрации ГЗШ пресекало попытки крепостников приспособить ГЗШ на службу крепостному строю и расчищало путь для развития ГЗИ в некрепостническом направлении. Это ослабляло также положение Бадке в МГИ, возглавлявшего 3-й департамент и сумевшего защитить своего ставленника главного надзирателя ГЗШ Гинглинга и назначить его директором. Назначение оказалось неудачным, так как Гинглинг, находясь на службе в ГЗШ, преследовался судом за уклонение от денежного штрафа, наложенного на него Бессарабским уголовным судом за растрату по службе и за присвоение крепостного. Вскоре Бадке прислал в ГЗШ в качестве директора министерского чиновника А. А. Дела-Гарде (директор с мая 1842 по май 1843 года), немногим отличавшегося от своего предшественника.

В отчете по обследованию ГЗШ Киселев указал на необходимость ее дальнейшего развития и отметил, что название «школа» не соответствует ни размеру, в котором учреждено заведение, ни назначению окончивших это заведение. «Следует, — писал Киселев, — определительнее указать на цель сего важного учреждения и вести к тому, чтобы поставить его на высшую степень настоящего предначертания. Подобные заведения в прочих государствах называются земледельческими академиями и академиями сельских наук, а у нас можно назвать институтом». Далее Киселев указывал, что этот институт должен быть рассадником

для всей империи людей, сведущих в сельскохозяйственной науке: люстраторов, администраторов, казенных и помещичьих имений—«управителей-агрономов» и что поэтому надо резко выделить высший разряд, принимая в него окончивших гимназии, повысив права окончивших и введя в преподавание новые предметы: судопроизводство, счетоводство и др. «Но теории недостаточно без практики,—писал Киселев в конце отчета, — а посему надлежит окончивших курс определять управителями или помощниками управителей фольварков Горыгорецкой земледельческой школы, которые должны быть устроены в виде примерных имений со всем тем хозяйством, которое желательно распространить повсеместно» [17; 28—29].

После обследования ГЗШ Киселевым и его замечаний в результате обследования МГИ предприняло ряд мероприятий по переустройству ГЗШ из помещичьей школы с конторским управлением в учебное заведение по образцу учебных заведений МНП, по повышению значения высшего разряда школы и постепенному преобразованию его в институт.

С августа 1841 г. для решения учебно-воспитательных и хозяйственных вопросов ГЗШ было учреждено «Совещательное собрание» с определением его функций.

В собрании участвовали профессор и его адъюнкты, а при необходимости и другие преподаватели.

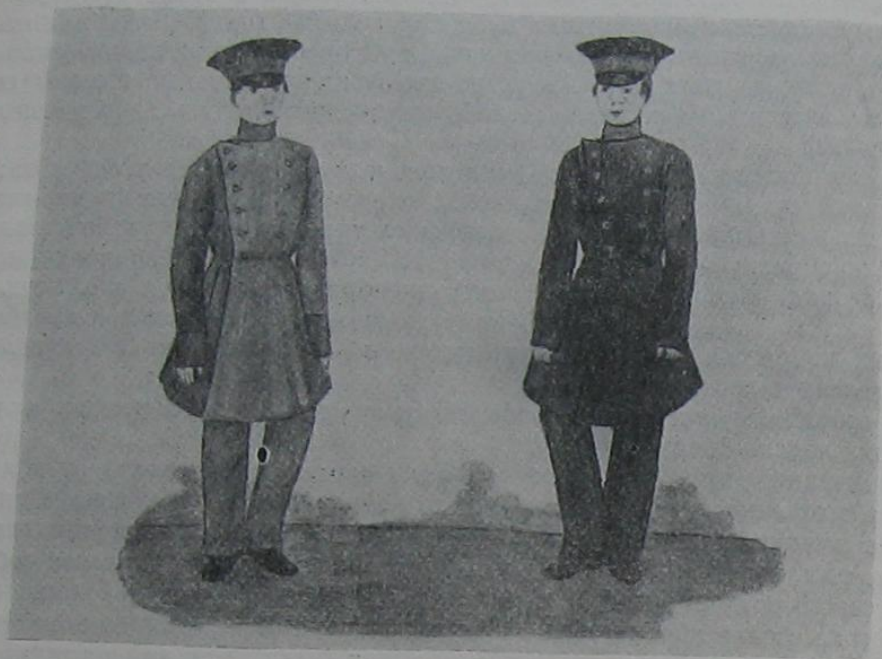
В функции совещательного собрания входило составление учебного плана теоретического и практического образования и хозяйственного плана имения, распределение учебных предметов между преподавателями, составление отчетов и т. п. Таким образом, совещательное собрание, своего рода педагогический совет, отсутствовавший по Положению 1836 года, более придавало ГЗШ по структуре вид учебного заведения.

Контора же, которая до этого времени была высшим административным и учебным органом по школе и имению, была оставлена только как хозяйственный орган школьного имения.

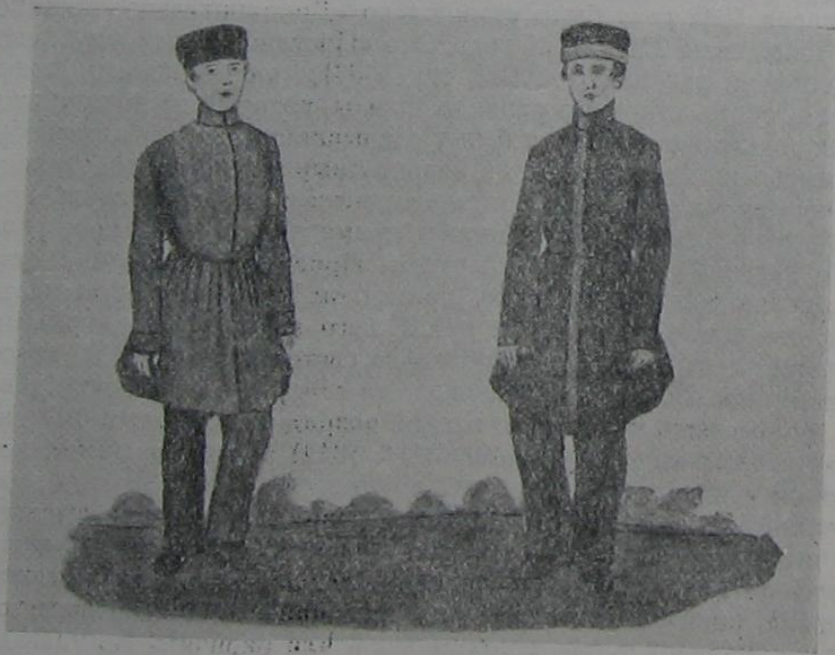
19 января 1842 года было утверждено «Дополнительное постановление» к Положению ГЗШ 1836 года. Это «Постановление», опубликованное в Собрании законов (т. XVII, ст. 15303), имело целью повысить значение второго, старшего разряда школы, который не имел учащихся, числился только формально и был у открывавших школу в пренебрежении. Пренебрежение к старшему разряду выражалось в запутанной организации приема учащихся в него и отчасти в самом названии Горыгорецкого учебного заведения «школой», применявшемся в то время по отношению к низшим учебным заведениям. Прием же во второй, старший разряд, являвшийся, собственно, придатком к первому, был настолько запутан, что почти сводился на нет. В него должны были приниматься окончившие первый разряд «свободного состояния», т. е. не крестьяне, в то время как этот первый разряд был сам рассчитан почти исключительно на крестьян, так что во второй разряд и принимать было некого. Поэтому первых три года (1840, 1841, 1842) приема не было, не предвиделся он и в дальнейшем.

«Постановлением» 1842 года второй разряд был назван высшим разрядом и преобразовался в самостоятельное высшее учебное заведение, в которое устанавливался совершенно отдельный, независимо от первого разряда, прием детей дворян и разночинцев с повышением требований от поступающих: они должны были или окончить гимназию, или выдержать экзамен, положенный при приеме в университет. Расширялся учебный план введением новых предметов: русского законодательст-

ва, механики, геодезии, минералогии, счетоводства, русской словесности, немецкого языка; увеличились штат преподавателей и учебно-вспомогательные учреждения; повышались права оканчивающих, установлена для учащихся высшего разряда форма, отличная от формы учащихся низшего разряда [23; 26—27].

Форма одежды, установленная МГИ для учащихся высшего разряда ГЗШ

Форма одежды, установленная МГИ для учащихся низшего разряда ГЗШ [67; 228—29]

Таким образом, «Постановление» 1842 года вместе с ранее установленными требованиями к профессорам и преподавателям, узаконило второй, старший разряд ГЗШ как самостоятельную высшую сельскохозяйственную школу.

Одним из главных условий дальнейшей организации высшего разряда, как высшей сельскохозяйственной школы, было составление соответствующего учебного плана, что было поручено профессору Б. А. Целлинскому, прибывшему в ГЗШ осенью 1841 г., после выявившихся результатов обследования школы. Он был направлен министерством в ГЗШ в качестве профессора агрономии, вместо С. Федорова, не удовлетворявшего своим образованием (окончил Московскую земледельческую школу) требованию от профессора и вскоре (июль, 1843) назначенного управляющим фермами при МГИ [3; № 78].

Целлинский провел в Горках двадцать три года (1841—1864), пока существовала здесь высшая сельскохозяйственная школа (сначала как высший разряд ГЗШ, а затем с 1848 года как земледельческий институт) и был самым деятельным и основным педагогом и организатором как высшей сельскохозяйственной школы, так и других сельскохозяйственных учебных заведений, имевшихся в это время в Горках.

Воспользовавшись лично изученной постановкой сельскохозяйственного образования в Альтквустгофском институте и в немецкой Гарандской академии, устроенной по образцу других тогдашних высших сельскохозяйственных школ, а также трудами Московского профессора М. Г. Павлова и другими материалами, имевшимися в министерстве, Целлинский составил для высшего разряда ГЗШ примерный учебный план теоретических курсов и практических занятий, программы по некоторым сельскохозяйственным предметам, проект расширения штата ГЗШ и учебно-вспомогательных учреждений и объяснительную записку [17; 31—37].

В объяснительной записке Целлинский указывал на важность как сельскохозяйственной науки, так и агрономического образования, которое заключается в последовательном изложении сельскохозяйственных фактов, наблюдений, опытов, правил, а также в выработке умения применить правила к частным случаям, что приобретает практикой и опытом. В учебный план Целлинский включил предметы по всем отраслям сельского хозяйства: растениеводство, скотоводство, лесоводство, садоводство, сельскохозяйственную технологию, сельскохозяйственную бухгалтерию, домоводство и обосновывал это необходимостью подготовки для тогдашней России агрономов широкого профиля. «Наша сельская промышленность,—писал он в объяснительной записке,—еще не достигла высокой степени разделения и физического и умственного труда, и денежные средства не позволяют еще иметь во многих случаях особых лесничих, техников, архитекторов, ветеринаров и т. п. Русскому агроному необходимо и знание законов гражданских, а также политической экономии, уясняющей значение капиталов и труда, условия изменения цен и др.» Кроме специальных, сельскохозяйственных предметов, по плану Целлинского должны преподаваться предметы вспомогательные (химия, физика, ботаника, минералогия, математика, геодезия, ветеринария, черчение, архитектура) и общие (политическая экономия, русское законодательство, русский и немецкий языки, закон божий). Чтобы вспомогательные предметы не ослабили сельскохозяйственного образования, Целлинский предлагал преподавателям вспомогательных наук иметь понятие об основных положениях сельскохозяйственной науки и при

изложении своих дисциплин ограничиваться самым главным и полезным для сельского хозяйства. Кроме того, преподавание сельского хозяйства начиналось с первого полугодия и продолжалось в течение трех лет одновременно с изучением вспомогательных предметов.

Учебный план, выработанный Целлинским, был рассмотрен и одобрен сначала Совещательным собранием ГЗШ, а затем 10 июня 1842 года Ученым комитетом МГИ и получил следующий вид [1; № 1598].

Учебный план высшего разряда Горыгорецкой школы 1842 года

№ п/п	Название предмета	Классы и полугодия					
		I		II		III	
		1	2	3	4	5	6
		число лекций в неделю					
1	Ботаника	2	2	—	—	—	—
2	Зоология	2	2	—	—	—	—
3	Химия	2	2	2	—	—	—
4	Техническая химия	—	—	—	2	2	—
5	Физика (метеорология и климатология)	—	—	—	—	—	—
6	Минералогия (геогнозия, ориктогнозия)	2	2	—	—	—	2
7	Математика	2	2	—	—	—	—
8	Русская словесность	1	1	—	—	—	—
9	Упражнения в сочинении, особенно по практическому судопроизводству	—	—	—	—	—	—
10	Закон божий	1	1	1	1	1	2
11	Немецкий язык	2	2	2	2	2	1
12	Геодезия	2	1	—	—	—	—
13	Черчение	2	1	1	1	1	—
14	Хозяйственная география и статистика	—	2	2	—	—	—
15	Энциклопедия сельского хозяйства	—	—	2	1	—	—
16	Разведение хозяйственных растений (растениеводство)	—	—	2	2	—	—
17	Домоустройство (наука об управлении и беседе)	—	—	—	—	4	—
18	Скотоводство	—	—	2	2	—	—
19	Основы ветеринарной науки	—	—	—	—	2	—
20	Скотоление	—	—	—	—	—	1
21	Сельская архитектура	—	—	2	2	—	—
22	Механика	—	—	—	—	1	2
23	Сельская технология	—	—	—	—	—	3
24	Энциклопедия камеральных наук	—	—	—	3	—	—
25	Правоведение	—	—	2	2	2	2
26	Финансы и кадастр	—	—	—	—	1	—
27	Бухгалтерия и политическая арифметика	—	—	—	—	—	2
28	Лесоводство (энциклопедия лесоразведения)	—	—	—	—	2	—
29	Лесоустройство и охота	—	—	—	—	—	2
	Итого	18	18	18	18	18	17

Каждая лекция по этому плану продолжалась 1,5 часа, что при 18-недельных лекциях составляло в неделю 27 академических часов, которые распределялись по 6 часов (4 лекции) ежедневно, кроме среды, когда читались 2 лекции, и субботы, которая отводилась на практические работы.

Большая половина учебных часов данного плана приходилась на сельскохозяйственные предметы, среди которых преобладали административно-экономические: камеральные науки (введенные в этом же 1842 г. в Петербургском университете и Ришельевском лицее в Одессе), правоведение, кадастр (определение дохода с земельных угодий) и связанное с кадастром домоустройство (учение об управлении крестьянами и их хозяйственном устройстве), бухгалтерия и политическая статистика (так называлась общая статистика) и др. На остальные сельскохозяйственные специальности: полеводство, животноводство, лесоводство и сельскохозяйственную механику—отводилось часов немного больше, чем на административно-экономическую, и изучение этих предметов поэтому носило энциклопедический характер.

Меньшая половина часов учебного плана была отведена вспомогательным предметам, среди которых наибольшее число часов (10) уделялось химии, выдвинувшейся в сельском хозяйстве в связи с учением Либиха в начале 40-х годов на первый план, и немецкому языку (10), что вызывалось использованием при изучении сельскохозяйственных предметов немецких пособий. Ученый комитет придавал большое значение также минералогии, включавшей в себе геогнозию (предшественницу геологии) и ориктогнозию (учение об ископаемых). Минералогия и геогнозия, рассматривая почву как геологическое образование, заменяли собою в этом первом учебном плане почвоведение—дисциплину, вошедшую в учебные планы только через 50 лет. Минералогия, по мнению Ученого комитета, должен был преподавать химик.

Одновременно с теоретическими «классными» занятиями учащиеся должны были выполнять и практические работы, которые распределялись по полугодиям следующим образом:

- I-е полугодие — экскурсии по фольваркам школы, участие в посевах озимых и уборке урожая;
- II-е » — участие в весенних работах, обучение посеву и употреблению сельскохозяйственных орудий, практика по межеванию и нивелированию (в летние вакации);
- III-е » — работы в химической лаборатории по определению крахмала в растениях, по анализу почв и молока, практическое ознакомление со строительными материалами;
- IV-е » — изучение работ по растениеводству и скотоводству в хозяйстве;
- V-е » — упражнения по сельскохозяйственной технологии: по добыванию крахмала, уксуса, сахара, по обжиганию кирпича, извести, по выделке пеньки и льна;
- VI-е » — упражнение по счетоводству и составлению хозяйственных проектов по всем отраслям сельской промышленности [17; 34—35].

Таким образом, первый план теоретических и практических занятий высшего разряда ГЗШ, предназначавшийся для подготовки главным образом управляющих казенными имениями и чиновников МГИ, был планом широкого профиля: он должен был готовить агрономов-универсалов с уклоном в административно-экономическую специальность.

В связи с принятым широким учебно-производственным планом Ученый комитет МГИ признал необходимым увеличить штат ГЗШ шестью преподавателями: тремя профессорами специальных наук, сверх уже имевшегося профессора агрономии; одним адъюнктом профессора,

сверх двух уже имевшихся и двумя учителями. Профессора требовались по ботанике с лесоводством, зоологии со скотоводством, физике и химии с минералогией. Кроме того, Ученый комитет считал важным учреждение при ГЗШ различных кабинетов, лабораторий, мастерской и т. п. [17; 36].

Но все эти решения Ученого комитета о расширении штата и учебно-вспомогательных учреждений ГЗШ осуществились далеко не полностью.

В 1843—1845 гг. в штат ГЗШ были зачислены адъюнкт-профессора: Больман А. И. — по математике и сельскохозяйственной механике; Кньюфер Р. Е. — по сельскохозяйственной технологии и лесоводству; Краузе В. И. — по животноводству; Рего Э. Ф. — по ботанике; Шмидт К. Д. — по химии. Все эти пять адъюнктов окончили Дерптский университет, а Кньюфер и Краузе, кроме того, — Альткустгофский институт. Были также зачислены преподаватели: Венцковский Ф. А. — по истории и географии, окончивший Киевский университет; Раздольский П. А. — по ветеринарии, окончивший ветеринарное отделение Московской медико-хирургической академии; помощник практического агронома (Михельсона) Азаревич И. В., окончивший Киевский университет.

Профессоров новых не оказалось. Мало того, в 1845 г. Брадке, выбывший в это время из МГИ и назначенный попечителем Дерптского учебного округа, пытался было лишить ГЗШ даже единственного профессора агрономии — Целлинского, утвержденного в этом звании в 1843 г. Совет Дерптского университета, по предложению Брадке, предлагал Целлинскому баллотироваться на кафедру ординарного профессора сельского хозяйства и технологии и просил представить перед баллотировкой разрешение МГИ. Польщенный предложением университета, Целлинский согласился было на перевод, но МГИ не дало ему разрешения, ссылаясь на затраченные средства при обучении в Альткустгофском институте и за границей и на возможность перевода только через 10 лет [3; № 613].

15 августа 1842 года состоялось формальное открытие высшего разряда, приуроченное к годовому отчетному акту по ГЗШ. На открытии присутствовал профессор сельского хозяйства Петербургского университета С. М. Усов.

Об открытии высшего разряда ГЗШ и о правилах приема в него юношей с гимназическим образованием МГИ объявило в газетах и журналах, а также сообщило попечителям учебных округов и другим учреждениям для соответствующего оповещения учебных заведений, из которых могли поступать в ГЗШ.

С этого времени ГЗШ, как единственная сельскохозяйственная школа высшего типа, стала пользоваться у Ученого комитета особым вниманием среди таких других подведомственных министерству школ, как Лесной и межевой институт, находившийся в Лисино, в 70-ти верстах от Петербурга, учебные фермы и школы местного значения по садоводству и шелководству в Одессе, Симферополе и Закавказье, устроенные по образцу учебных ферм.

Особое внимание Ученого комитета и всего министерства к высшему разряду ГЗШ было вызвано в это время увеличившейся после указа 1842 года об «обязанных» крестьянах потребностью в укреплении и улучшении проведенного министерством в 1839—1841 гг. административно-хозяйственного устройства государственных крестьян. Указ об «обязанных» крестьянах, призывавший помещиков к добровольному освобождению крестьян, упразднил имевшийся в министерстве проект

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ.

1846.

І Ю Л Ъ.

№ 7.

I. Государственное и Сельское Хозяйство.

	Стран.
Отчетъ Горыгорядской Земледельческой Школы за 1845 годъ (Продолженіе)	1
Агрономическія путешествія по Россіи. КНЮПФЕРА	48
О дѣйствіяхъ экономическихъ обществъ въ 1845 году (Статья II).	
1) Императорское Вольное Экономическое Общество. 2) Императорское Казанское Экономическое Общество	71

II. Обзоръ современныхъ событій по сельскому хозяйству въ Западной Европѣ.

Виды на урожай. — О состояніи здоровья картофеля. — Предстоящіе виды въ торговлѣ колоніальнымъ сахаромъ. — Торговля жезвомъ въ Англіи. — Распространеніе употребленія манса въ Ирландіи. — Искусство рытія артезианскихъ колодезь. — Средства противъ хлѣбнаго червя. — Истребленіе гусеницъ. — Масло изъ зеренъ винограда. — Связь шведскихъ сельскихъ хозяйствъ въ Стокгольмѣ	1
---	---

III. Земледѣльческая Хроника.

Іюнь 1846 года.

Состояніе погоды и ея вліяніе на земледѣліе. — Извѣстія изъ Вологды, Петрозаводска, Вятки, Владиміра, изъ Могилевской, Саратовской, Екатеринославской, Херсонской и Таврической губерній и Бессарабской области. — Появленіе саранчи на югѣ Россіи; средства противъ нея вода изъ источника Св. Іакова и скворцы. — Отступленіе по поводу скворцовъ: замѣтки г. Нордмана. — Записка г. Демова объ истребленіи саранчи. — Торговля шерстью. — Отъѣздъ брака нѣкоторыхъ земледѣльческихъ произведеній въ Петербургъ и Архангельскъ. — Перевѣсы въ тарифѣ. — Юбилей Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства	8
Объявленіе	48

реформировать положение помещицких крестьян и направил больше внимание улучшению устройства государственных крестьян, которое должно было явиться образцом и для помещиков.

«Журнал министерства государственных имуществ» («Журнал МГИ»), основанный в 1841 г. и явившийся печатным органом Ученого комитета, помещал отчеты ГЗШ и популяризировал ее. Так, после приведения первого полного отчета ГЗШ за 1842 г., описывавшего учебное хозяйство при школе, редакция журнала назвала этот отчет «замечательным и приятным явлением», школу — заслуживающею «самого высокого участия, самого глубокого внимания со стороны каждого, кому дорог всякий шаг отечества по пути улучшения», и школьные опыты — поучительными [89; 1843 г., ч. 8, 232—333].

Но, несмотря на принятые МГИ различные меры к привлечению учащихся в высший разряд, желающих учиться в нем в 1842 г. не оказалось. Некто Иванин, рассмотрев отчет ГЗШ за 1842 год, подал в министерство свое мнение о ГЗШ, о причинах неудач с набором учащихся и о мерах, необходимых для привлечения учащихся.

«Страсть к узнаванию наук, относящихся до сельского хозяйства, — писал Иванин в своем отзыве на отчет ГЗШ [1; № 1598, 1842 г.] — не так еще у нас сильна, и потребность в этих науках, к сожалению, немногие охотники жертвовать очевидными своими выгодами». На Горыгорецкую школу, как на специальную и новую школу в России, «смотрят с недоверчивостью, которая тем более имеет благовидное основание, что права выпускаемых воспитанников весьма незначительны, будущность их не обещает в служебном отношении больших выгод».

Кроме непопулярности сельскохозяйственного образования, Иванин указывал на материальные затруднения бедного дворянства, на детей которого, по его мнению, и рассчитана ГЗШ, тогда как дети богатых родителей поступали главным образом в университеты. Дальше Иванин пишет:

«Если примем в соображение расстроенное положение большей части наших помещиков, из которых едва ли не половина заложила свои имения, резкую изменчивость цен на сельские произведения, происходящую то от голода, то от большого урожая, а вследствие этого частые неудачи по хозяйству, подати, проценты, недоимки, которые помещики должны платить, содержание себя и другие расходы, то надобно согласиться, что даже из владельцев, получающих годового дохода тысячу или полторы тысячи рублей, немногие будут в состоянии платить за детей три года сряду по 120 рублей».

Иванин сравнивал стоимость содержания ученика в ГЗШ и ученика в губернской гимназии и приходил к выводу, что содержание гимназиста в два раза дешевле, так как при обучении своего сына в гимназии родители-помещики доставляют ему продукты из своего имения, да и сам гимназист старших классов может подработать иногда в городе уроками, тогда как при обучении в ГЗШ этим воспользоваться нельзя.

Наконец, причину большого недобора учащихся в ГЗШ (1843 г. было 35 учеников низшего разряда, вместо 150) Иванин объяснял также неудачным выбором места для школы. «Заведение основано, — пишет он, — вдали от столицы и губернских городов, в краю, мало посещаемом, бедном средствами к жизни, не имеющем обширного круга людей образованных, сведущих в сельском хозяйстве, лишенном удобных сообщений; посему как бы хорошо ни было устроено заведение, как бы отличны науки ни преподавались, но оно не может быть скоро оценено и приобрести известность в России».

Отметив непопулярность сельскохозяйственного образования, материальные затруднения обедневшего дворянства и неподходящее место для земледельческой школы, Иванин предлагал увеличить число казенных учеников (в ГЗШ их было 30 по штату), повысить права оканчивающих, увеличить оплату педагогов и чиновников и улучшить материальное состояние крестьян имения. Предложения Иванина рассматривались и получили одобрение на совещательном собрании ГЗШ. Возражение вызвало только мнение Иванина о дороговизне обучения в ГЗШ. По мнению, высказанному на совещательном собрании, ни в одном университете студент не может существовать в год за 120 рублей, а содержание вольноприходящего обходится в Смоленске и Могилеве более 100 рублей в год.

Указывая на преимущество ГЗШ в сравнительной дешевизне содержания учащихся и рассчитывая, таким образом, на более демократический их состав, преподаватели ГЗШ, вопреки мнению Иванина, естественно, защищали нахождение земледельческой школы в провинциальной сельскохозяйственной обстановке, как более соответствующей назначению школы.

В то же время следует признать правильным и реалистичным объяснение Иваниним трудностей с привлечением учащихся в ГЗШ.

Только через полгода после открытия высшего разряда, в январе 1843 г., были приняты в этот разряд без экзамена первых 3 ученика из Петербургского университета, Петербургской медико-хирургической академии и Витебской гимназии.

В конце 1843—начале 1844 годов был произведен настоящий прием: была принята большая партия окончивших духовные семинарии и из последних классов этих семинарий. Прием был необычный.

Рассылая разным учреждениям извещение об открывшемся высшем разряде ГЗШ и о приеме учащихся, МГИ направило такое извещение Синоду, в ведении коего находились духовные семинарии, выпускавшие питомцев, достаточно подготовленных для обучения в высшей школе и являвшихся первыми учащимися в университетах. Известно, что для Московского университета, при его основании в 1755 году, единственным источником, пополнявшим его первыми учащимися, были духовные семинарии, которые направили в университет 30 семинаристов, положивших основу разночинно-демократическому составу студенчества Московского университета [44е; 22]. Харьковский университет, открытый в 1805 году, также для начала учебных занятий ограничился 30 семинаристами [44 в; 35—36]. И не только при основании университетов, но и в дальнейшем разночинно-демократический состав учащихся в университетах и других высших школах пополнялся главным образом духовными семинариями, тогда как гимназии в особенности в николаевскую пору поставляли в университеты дворян.

На предложение МГИ направить в высший разряд ГЗШ семинаристов Синод ответил решением использовать высший разряд в своих интересах, а именно: подготовить в высшем разряде преподавателей для своих же семинарий по агрономии, которую ввести в старших классах в качестве предмета.

Это решение Синода вызывалось, с одной стороны, наличием в его распоряжении церковных земель, распределенных между отдельными церквами и нуждавшихся в хозяйственном устройстве, а с другой стороны, стремлением, при помощи преподавания в духовных семинариях

агрономии, привлечь семинаристов к духовной карьере, сделавши ее более авторитетной среди крестьян и соответствующей духу времени, и тем предотвратить участвовавшие в 40-е годы случаи ухода из семинарий лучших учеников, не удовлетворявшихся семинарской схоластикой и отдававших себя другой, более жизненной работе в рядах разночинной интеллигенции. Так, известные революционные демократы Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов отказались от учения в старших богословских классах семинарии. Первый поступил в Петербургский университет, а второй—в педагогический институт, посвятив себя общественно-политической и литературной деятельности. Герцен в своих мемуарах «Былое и думы» вспоминает об одном 17-летнем семинаристе, который рассказывал ему о напряженном интересе семинаристов старших классов к «Письмам об изучении природы» Герцена, которые печатались в «Отечественных записках» (1845—1846) и под влиянием которых он порвал с религией. «Духовное звание мне невозможно, и будьте уверены, я скорее пойду в солдаты, чем позволю себя постричь в священники»,—заявил он Герцену [70; 198—199].

МГИ согласилось с решением Синода о посылке в ГЗШ семинаристов, и 10 июля 1843 года последовал правительственный указ о направлении лучших учеников духовных семинарий в высший разряд ГЗШ для обучения на счет духовного ведомства с тем, чтобы по окончании школы они стали преподавателями агрономии в своих семинариях.

К середине 1843/44 учебного года в ГЗШ прибыло 59 семинаристов, вышедших почти из всех семинарий, имевшихся в то время в России; при этом некоторые семинарии направляли в ГЗШ двух и даже трех учеников. О распределении семинаристов по городам, из семинарий которых они прибыли в ГЗШ, можно судить по таблице 1.

Таблица 1

Распределение воспитанников высшего разряда ГЗШ по городам, из которых они прибыли в 1843/44 учебном году (из города без цифры был один воспитанник) [1; № 215], 1844, л. 171—179].

№ п/п	Города	Число воспитан.	%
1	Центр России: Москва—3; Владимир, Калуга, Кострома, Н-Новгород, Орел, Рязань, Тамбов, Тверь, Тула, Ярославль— по 2; Воронеж, Курск, Пенза, Смоленск	27	44
2	Север России: Архангельск, Вологда, Вятка, Новгород, Пермь, Петербург, Петрозаводск, Псков	8	14
3	Восток России: Саратов-2, Астрахань, Казань, Оренбург, Симбирск	6	10
4	Украина: Чернигов-2, Екатеринослав, Житомир, Киев, Подольск, Полтава, Харьков, Херсон	9	16
5	Белоруссия: Минск-2, Вильно, Могилев, Полоцк	5	8
6	Сибирь: Иркутск, Тобольск	2	4
7	Бессарабия и Кавказ: Кишинев, Тифлис	2	4
Итого из 43 городов различных мест России:		59	100

Прибывшие в ГЗШ семинаристы были по преимуществу из семей бедного сельского духовенства: попов, дьячков, пономарей—дети которых главным образом учились в духовных семинариях. Н. Г. Чернышев-

ский, учившийся в эти годы (1844—1846) в Саратовской семинарии, в своих воспоминаниях писал следующее об ужасающей бедности семинаристов: «Ничто не может сравниться с бедностью массы семинаристов. Помню, что в мое время из 600 человек в семинарии только у одного была волчья шуба, и эта необычайная шуба представлялась чем-то даже не совсем приличным ученику семинарии, вроде того, как если бы мужик надел бриллиантовый перстень» [52; 45].

Большой отряд разночинной, материально необеспеченной молодежи в возрасте от 18 до 24 лет, прибывшей в высший разряд ГЗШ, несомненно, был из среды тех семинаристов, которые тяготились изучением церковной схоластики, отказались от духовной карьеры и решили посвятить себя изучению новой естественной науки—агрономии, связанной с непосредственными нуждами народа, и разделяли в своем большинстве антикрепостнические, демократические взгляды. Среди прибывших в ГЗШ был саратовский семинарист И. У. Палимпсестов, близкий друг и старший товарищ по семинарии Н. Г. Чернышевского. В своих позднее написанных воспоминаниях Палимпсестов говорит о Чернышевском как об отзывчивом, чутком земляке-товарище, о его влиянии на него лично и на его брата, учившегося тоже в Саратовской семинарии, отказавшегося от духовной карьеры и поступившего в Казанский университет; вспоминает Палимпсестов и о родителях Чернышевского, произведших глубокое впечатление на всю его жизнь [105 г.]. Несомненно, Палимпсестов, зачислившись учеником в высший разряд ГЗШ, разделял демократические взгляды Чернышевского. И не только Палимпсестов, но и большинство его соучеников, прибывших в Горки, было увлечено демократическими идеями. Так что первая партия учеников высшего разряда, состоявшая из разночинцев-семинаристов, сообщила ГЗШ разночинно-демократический характер, явившийся и в дальнейшем особенностью состава учащихся ГЗШ и ГЗИ.

«Дополнительное постановление» 1842 года, придавшее одному из разрядов ГЗШ характер высшей школы, привело к успешному набору учащихся в первую высшую сельскохозяйственную школу и именно благодаря разночинцам-семинаристам, которые в ГЗШ сыграли такую же роль учащихся-пиэнеров, как и при основании Московского университета. Но в то же время «Дополнительное постановление» 1842 года совершенно не затронуло учебного хозяйства ГЗШ, державшегося, как описано выше, на барщинно-крепостнических порядках по Положению 1836 года. Существенные коррективы в хозяйственное устройство ГЗШ внесла сама жизнь.

В начале 1844 г. в западных губерниях, в том числе в Могилевской губ. и в Горыгорецком имении, государственные крестьяне были переведены с барщины на оброк и для них были установлены так называемые инвентари-правила, регулировавшие их повинности. В результате отмены барщины, вызвавшей, как указывалось выше, закрытие в Горыгорецком имении полотняной фабрики, ГЗШ лишилась школьного имения, крестьяне которого до этого времени выполняли барщинные работы на школьном хозяйстве (распоряжение о передаче школьного имения Могилевской палате государственных имуществ последовало 30 июля 1846 г.), сохранила только 1260 десятин земли, на которых размещались некоторые оброчные статьи (лес, торф и др.) и фольварковые участки в Горках, Иванове, Наталине и Пуплах, и отпустила в родные деревни крестьян, набранных в ГЗШ для работ и обучения из центральных губерний по Положению 1836 года (§24).

Последнее обстоятельство — освобождение 36 крестьян от работ в ГЗШ и возвращение их домой в центральные губернии — было вызвано не только упразднением барщины, но и настойчивыми требованиями самих крестьян, ничему, собственно, не обучавшихся в ГЗШ и находившихся на положении батраков. Эти крестьяне использовались в школьном имении на обычных сельскохозяйственных работах: они пахали, косили, убирали хлеб и т. п.; их жены прислуживали на птичьем дворе, стирали белье учащих. В правовом отношении их положение напоминало собою тяжелую судьбу крепостных при так называемой «месячине», когда крепостные, не имевшие собственного хозяйства, получали от помещика только «месячину», т. е. месячную натуральную плату продуктами и одеждой. Крестьяне-батраки при ГЗШ не только присились на родину, но и бурно протестовали против своего подневольного тяжелого положения, так что директору Дела-Гарде приходилось подвергать домашнему аресту—«тщательно запирает ворота двора, в котором жили эти люди, чтобы препятствовать свободному их выходу», как описывает Целлинский [89; XXVI ч., 42]. Вскоре после открытия высшего разряда МГИ отменило дальнейшее привлечение в ГЗШ взрослых крестьян из центральных губерний и готово было отпустить крестьян, находившихся в ГЗШ, но Бадке, как директор департамента, отклонял просьбы крестьян о возвращении на родину, ссылаясь на обязательный десятилетний срок пребывания их в школе [3; № 274]. И только после отстранения из МГИ Бадке, расхворавшегося во взглядах с министром Киселевым, и назначения директором департамента и председателем Ученого комитета А. И. Левшина в июле 1844 года по распоряжению департамента 36 крестьян со своими семьями возвратились в свои родные места Московской, Смоленской, Петербургской, Новгородской и других губерний [3; № 91].

Так, с упразднением барщины и труда крепостных из центральных губерний ГЗШ освобождалась от того крепостного наследия, которое досталось ей от Положения 1836 года, и устранивала свое хозяйство на иных началах.

Левшин в первый же год своего управления департаментом в 1844 году лично осмотрел ГЗШ и, не удовлетворившись работой директора Дела-Гарде, отстранил его, а директором ГЗШ назначил министерского чиновника Н. И. Пейкера (1844—1849). Одновременно Левшин предложил устроить при школе учебную ферму, которая должна была способствовать улучшению учебного хозяйства при ГЗШ и отчасти восполнить недостаток в рабочей силе, образовавшийся с упразднением барщины. Кроме того, учреждение Горыгорецкой учебной фермы вызывалось потребностью в обслуживании западных губерний по примеру других районных учебных ферм.

МГИ решило открыть учебную ферму при ГЗШ для обслуживания 11-ти западных и южных губерний: Могилевской, Витебской, Минской, Гродненской, Ковенской, Виленской, Псковской, Смоленской, Киевской, Подольской и Волынской.

С учреждением Горыгорецкой учебной фермы в Горках оказались три учебные заведения типа высшей, средней и низшей сельскохозяйственных школ: 1) высший разряд ГЗШ, имевший целью подготовить главным образом управителей казенными и частными имениями, 2) низший разряд ГЗШ, подготавливавший «земледельческих учеников» — подсобный технический персонал для управляющих и 3) учебная ферма,

подготавливавшая крестьян для ведения своего крестьянского хозяйства.

Учреждение учебной фермы способствовало развитию ГЗШ, так как это облегчало набор учащихся в низший разряд ГЗШ, в который могли поступать лучшие из окончивших учебные фермы; увеличивало приток крестьянской молодежи в хозяйство ГЗШ и расширяло учебное хозяйство при ГЗШ, на котором могли учиться не только фермеры, но и учащиеся низшего и высшего разрядов ГЗШ. Учебной ферме было передано основное хозяйство ГЗШ: полеводство, луговое хозяйство, скотоводство и др.; при ГЗШ остались только ботанический сад, древесный питомник и особый лесной участок в 156 десятин для ознакомления учащихся с лесным хозяйством.

В 1845 г. в учебную ферму при ГЗШ было впервые принято 43 мальчика из семей казенных крестьян и один крепостной. Мальчики были присланы губернскими палатами государственных имуществ из разных губерний: по 7 мальчиков из Гродненской и Ковенской, по 6—из Минской, Витебской и Виленской, по 5—из Могилевской и Псковской и по одному из Смоленской и Петербургской губерний.

Присланные подростки оказались малоопытными в сельском хозяйстве, так как палаты отбирали для учебных ферм главным образом грамотных и служивших в окружных и волостных управлениях. К обучению учеников-фермеров и к руководству ими на практических работах были привлечены преподаватели ГЗШ. Управляющим фермой был назначен практический агроном Б. Михельсон. К учебной ферме была причислена небольшая школа овчаров, подготавливавшая как работников для школьной овчарни, насчитывавшей свыше 700 овец разных пород, так и для развития овцеводства в других хозяйствах. В школу овчаров зачислялось ежегодно 2—4 ученика-фермера.

Таким образом, благодаря учебному плану высшей сельскохозяйственной школы и приглашению квалифицированных преподавателей в ГЗШ, а также благодаря переустройству учебного хозяйства при ГЗШ на некрепостнических порядках учащиеся-разночинцы, принятые в высший разряд в 1843/44 учебном году, нашли в ГЗШ более благоприятные условия для обучения, чем это было установлено Положением 1836 года.

В то же время в связи с новой задачей, поставленной высшему разряду, — подготовить из семинаристов преподавателей агрономии, — учебный план, рассчитанный при его составлении на подготовку управляющих имениями, значительно изменился.

Учебный план был уплотнен с 3-летнего на 2-летний за счет сокращения административных, камеральных, финансовых предметов и черчения. Изучались главным образом сельскохозяйственные дисциплины по полеводству и скотоводству.

Кроме того, с 1844 г. МГИ установило с целью практического ознакомления учащихся с состоянием помещичьего и крестьянского сельского хозяйства агрономические путешествия, которые должны были проводиться ежегодно летом в ближайшие губернии при участии лучших учеников высшего разряда под руководством профессора или адъюнкта, составлявшего отчет о путешествии. Эти образовательные агрономические путешествия проводились с 1844 года почти каждый год, сначала с учениками высшего разряда, а затем со студентами ГЗИ, до перевода института в Петербург. Отчеты руководителей о путешествиях дают представление о характере и направлении обучения в высшем раз-

ряде и в ГЗИ. так как содержат в себе, кроме описания хозяйств, также рассуждения и замечания руководителя по поводу тех или других сельскохозяйственных фактов.

Первое агрономическое путешествие было летом 1844 г. под руководством Целлинского с тремя учениками высшего разряда по Могилевской и Витебской губерниям. Направившись из Горок в путешествие по Белоруссии сначала на север через местечки Ляды и Дубровну до Витебска, а затем на юг через местечко Бешенковичи в Оршанский и Быховский уезды. Могилевской губ., Целлинский уделил большое внимание положению и характеристике белорусского крестьянина [89; 1847, X—XII и 1848, I—III]. Он отвергает распространенное в то время среди помещиков мнение о крестьянине-белорусе, как о непредпримчивом, ленивом, невоздержанном к водке: «Нравственные недостатки... могут быть, — пишет Целлинский, — только верным последствием первоначального, несоответственного устройства, первоначального неправильного наделения крестьянских хозяев угодьями и выгодами и определения с них обязанностей... Если уже белорусскому крестьянину желать более трудолюбия, рачения, заботливости о своем хозяйстве, то прежде надобно пожелать благоприятных внешних обстоятельств, более способствующих первому желанию» [89; 1848, III, 141].

Высказывается Целлинский также против чрезмерной опеки над крестьянами, которая, по его мнению, «никогда не сделает крестьянина столь деятельным, заботливым, предприимчивым и бережливым, как собственное желание улучшить свой быт». Создание для крестьянина благоприятных внешних условий и упразднение помещичьей опеки будут способствовать улучшению заложенных от природы хороших нравственных качеств у крестьянина.

Проанализировав хозяйство в имениях помещиков Оршанского уезда Менжинских, Целлинский приходит к выводу, что «господские, т. е. фольварковые, хозяйства мало годятся в пример крестьянским», так как они построены на барщинно-крепостном труде и служат средством превращения труда крестьянина в доход помещика. «Многосложный крестьянский вопрос, по его мнению, может быть удовлетворительно разрешен только облюстрованием крестьянских хозяйств, имеющим вместе с тем целью новую организацию их, т. е. наделение их необходимыми угодьями и пособиями, определение их повинностей».

Предложения Целлинского в рассматриваемом отчете путешествия о создании для крестьянина лучших условий для ведения самостоятельного хозяйства путем наделения землей, упразднения помещичьей опеки и уточнения его повинностей дают основание признать взгляды Целлинского в начале его деятельности в ГЗШ антикрепостническими, направленными на интересы крестьян. Более решительное мнение по крестьянскому вопросу Целлинский по цензурным условиям 40-х годов, разумеется, высказать не мог. При путешествии Целлинский делился своими мыслями с учениками и сравнивал, между прочим, непроизводительность труда при ГЗШ подневольных крестьян-батраков, набранных из центральных губерний, с более производительным трудом «вольных работников», нанятых за плату после отъезда крепостных на родину.

При рассмотрении различных сельскохозяйственных мероприятий (удобрения, севооборота и т. п.) Целлинский останавливался на их целесообразности и соответствии сельскохозяйственной науке. Ознакомившись в ГЗШ и во время описанного путешествия с экономическими и

почвенно-климатическими особенностями сельского хозяйства Белоруссии, Целлинский в отчете высказывает свое большое желание увидеть и изучить почвенно-климатические особенности Украины, которая, по его словам, «упорно восстает против общих учений сельского хозяйства» и является как бы государством в государстве в области агрономических наук. Желание Целлинского осуществилось в 1849 г., когда он вместе с семью студентами, в том числе с Советовым и Жебенко, путешествовал по украинским губерниям: Киевской, Черниговской, Полтавской и другим — для изучения чернозема.

За описание данного агрономического путешествия МГИ в 1848 году выдало Целлинскому серебряную медаль.

В следующем 1845 г. агрономическое путешествие по Минской и Могилевской губ. шести учеников высшего разряда из числа принятых семинаристов под руководством адъюнкт-профессора сельскохозяйственной технологии Кньюфера было несколько иное. Кньюфер останавливался главным образом на изучении заводов: свеклосахарного в Кореличах, Новогрудского уезда, и винокуренного в имении Городея, около местечка Мир. На свеклосахарном заводе, по описанию руководителя [89; 1846, VII], сок выжимался прессами и очищался известковым молоком; ежедневно, когда действовал завод, перерабатывалось около тысячи пудов свекловицы, дававшей 4 процента сахара, с ценой за фунт по 22,5 коп. серебром за полурафинад и 25 коп. за рафинад; обслуживался завод 120 рабочими с платой 10—15 коп. в день поденщику и 40 руб. в год постоянному рабочему. Описывает Кньюфер также выращивание свекловицы и уход за нею. Касаясь положения крестьян, Кньюфер в противоположность Целлинскому ограничивается описанием их повинностей по отношению к помещику, не высказывая своего мнения об этих повинностях. Так, рассказав, что крепостные помещика Хребтовича в имении Щорсах на Немане переведены с барщины на оброк, Кньюфер тут же, как бы опровергая самого себя, добавляет, что этим крепостным, переведенным на оброк, «вменено в обязанность приходить на барщину по 3 дня в каждую неделю и, кроме того, по 6 дней в году, особенно во время жатвы». Описывает Кньюфер и севообороты у некоторых помещиков.

Приведенные описания — отчеты о первых агрономических путешествиях Целлинского и Кньюфера вместе с учениками высшего разряда ГЗШ, во-первых, характеризуют авторов этих отчетов, как лиц с различными общественно-экономическими взглядами, в то время как Целлинский, уделяя большое внимание крестьянскому труду, высказывал антикрепостнические пожелания о необходимости создать для крестьянского хозяйства благоприятнейшие условия, Кньюфер отмечает успешное ведение помещичьего хозяйства, игнорируя условия крестьянского труда и даже путая барщину с оброком; во-вторых, показывают, что агрономические путешествия имели значение главным образом для преподавателей-руководителей этих путешествий, знакомившихся с состоянием сельского хозяйства на местах и составлявших отчет о путешествии, тогда как для учащихся эти путешествия имели ограниченное в образовательном отношении значение, так как в них участвовало 3—6 учеников, которые только наблюдали за хозяйством и беседовали с руководителем, не делая себе никаких письменных заметок.

Вся же подготовка учащихся проходила в пределах ГЗШ, где име-

лась возможность изучать хозяйства пришкольные, фольварковые и окрестные крестьянские.

О характере занятий учеников высшего разряда ГЗШ, прибывших из семинарий, отчасти можно судить по работе, составленной учеником Х. Гербановским «Хозяйственно-ботанический очерк окрестностей Горыгорецкой земледельческой школы», помещенный в «Журнале МГИ» (1848, № 4). По окончании Херсонской духовной семинарии Гербановский определился в высший разряд ГЗШ, который окончил в 1846 г. Во время учения Гербановский проявил интерес к ботанике, в результате чего к моменту окончания ГЗШ составил названный очерк, свидетельствующий о его серьезном отношении к учению. О ГЗШ Гербановский говорит как о начинающем учебном заведении, которое должно развиваться. Подробно описывая флору школы и ее окрестностей, Гербановский делает некоторые критические замечания о школьном хозяйстве. Автор считает сизифовым трудом работу на школьных полях по выпалыванию сорняков из посевов зерновых культур; школьные поля находит истощенными, утратившими свою «прежнюю степень плодородия», сад в Горках, принадлежавший школе, по его мнению, «заглох, порос травой и уныло глядит на божий мир» и т. п.

«Журнал МГИ» сопроводил очерк Гербановского примечаниями-опровержениями, составленными ГЗШ. В примечаниях отмечалось, что полка хлебов вознаграждается лучшим урожаем, что «прежняя степень плодородия» почвы школе неизвестна, что не следовало бы говорить о запущенности сада, так как такое учреждение не может быть запущено и т. д.

Между тем ученики высшего разряда, прибывшие из семинарий, испытывали некоторые трудности. Они оказались в иных условиях, чем это было в духовной школе, где церковно-богословские предметы изучались ими догматически, тексты зазубривались по учебникам, память забивалась схоластикой, далекой от жизни. Здесь же бывшим семинаристам пришлось выполнять работы по сельскому хозяйству, изучать не совсем еще оформившуюся науку без соответствующих учебников, встретиться с злободневными общественными вопросами и насущными нуждами крестьян.

Кроме того, вызывал затруднения для учеников, прибывших из русских губерний, и самый способ преподавания, так как преподаватели, которые в своем большинстве обучались в Дерптском университете на немецком языке и по немецким учебникам, слабо владели русским языком и придерживались немецких руководств, в частности, пользовавшегося в то время известностью «Учебника по сельскому хозяйству» Г. Пабста — преподавателя и организатора сельскохозяйственных учебных заведений в Германии. Но здесь следует отметить, что эти же преподаватели, оказавшись в окружении демократически настроенной молодежи, прибывшей из разных мест России, в окружении крестьянских разоренных и бедных белорусских хозяйств, а также под воздействием МГИ и его ученого комитета, начали не только перестраиваться в своем языке и своих курсах, но и преодолевать свои явно крепостнические взгляды, которые, например, были у Кньюфера и Краузе. Целлинский под впечатлением большого интереса первых учащихся высшего разряда к агрономии начал работу по составлению особого руководства для предстоявшей этим учащимся педагогической деятельности в семинариях. Работа была закончена Целлинским в середине 50-х годов.

Учреждение Горыгорецкой учебной фермы, пополнение преподава-

тельского состава ГЗШ, большое число учащихся в высшем разряде, успешный ход учебно-практических занятий — все это дало основание министру Киселеву в отчете министерства за 1845 г. отметить, что ГЗШ занимает в России первое место среди учреждений по распространению улучшенного сельского хозяйства [89; отчет в прилож. к ч. XIII, стр. 58—59].

В 1846 г. был первый выпуск из высшего разряда 50 человек, при- сланных два года назад из семинарий. По окончании высшего разряда они были направлены в качестве преподавателей агрономии в семинарии, в которых агрономия с этого года была введена как учебный предмет.

В числе окончивших был упоминавшийся друг Чернышевского Палимпсестов. Пробыв короткое время преподавателем агрономии в Саратовской и в Одесской семинариях и видя невозможность заняться полученной специальностью в условиях духовной школы, Палимпсестов ушел из семинарии и в 1853 году получил должность адъюнкт-профессора сельского хозяйства в Ришельевском лицее (в Одессе). Во вступительной лекции в лицее «О сельском хозяйстве Новороссийского края» Палимпсестов, как бы говоря от лица первой группы окончивших ГЗШ, называл себя и своих товарищей по ГЗШ предтечами таких деятелей по сельскому хозяйству, которые сумеют по-настоящему устраивать сельское хозяйство, и предупреждал против распространенного враждебного отношения к сельскохозяйственной науке. Он говорил: «Мы—предтечи, приготовляющие пути для устранения будущей нужды, наша наука — это основа, на которой будет образовываться ткань, необходимая для потомства. Хозяева нашего отечества холодно встретили и встречают науку сельского хозяйства из Германии, потому что она не соответствует нашему климату и почвам, нашему многоземелью, гражданственности и особенно требованиям хозяйничанья. Отсюда родилось предубеждение, что наука сельского хозяйства — бред, выдумка». Сельскохозяйственная наука, по мнению И. Палимпсестова, самостоятельная и имеет большое практическое значение. «Могущественны силы человека, — говорил он далее, — руководимые знанием законов природы и истинным желанием преодолеть преграды к лучшему! Рутинность—тяжелое ярмо на вые (шеи) земледельца; напротив, труд деятельности сознательной есть торжество духа обреченных в поте лица съедать хлеб! Но помрачится свет теорий, если лучи его не пройдут сквозь многообразные призмы практики и если изучающий науку сельского хозяйства не будет следить за этими лучами» [89; 1853, VI, 89—128].

Так, в годы усилившейся реакции после 1848 года Палимпсестову приходилось говорить аллегорическим языком о будущей ткани — новом хозяйственно-политическом строе, который выткется на основе сельскохозяйственной науки и о необходимости и важности пробуждения сознательности у крестьян, «обреченных в поте лица съедать хлеб». В 1854 г. Палимпсестов был избран Советом ГЗИ в почетные члены Совета института.

В 1865 г. с открытием Одесского университета на базе Ришельевского лицея Палимпсестов продолжал преподавать сельское хозяйство в университете до 1868 г.; проектировал устройство при университете отделения технических наук и агрономии. Главная же деятельность Палимпсестова сосредоточилась в сельскохозяйственном обществе Южной России, редактором «Записок» которого он состоял. Работы Палимпсестова печатались также в «Трудах» ВЭО и в «Журна-

ле МГИ»; ему же принадлежит «Словарь сельскохозяйственных растений» с указанием способов их возделывания. На смерть Н. Г. Чернышевского в 1889 г. Палимпсестов, тогда уже 72-летний старик, откликнулся сочувственным воспоминанием о нем, как о земляке и как об одном из лучших друзей своей юности [105 г.].

Вторым выдающимся деятелем по сельскохозяйственному образованию из первого выпуска высшего разряда ГЗШ был И. Чернопяттов. Он был не из числа семинаристов, а поступил в ГЗШ как окончивший Тульскую гимназию. После окончания ГЗШ и заграничной командировки Чернопяттов в 1850 г. выдержал при ГЗИ особый экзамен, положенный для окончивших ГЗШ на получение звания агронома, и был определен преподавателем сельского хозяйства в Петербургском лесном и межевом институте. Впоследствии Чернопяттов стал профессором Петровской академии (подробнее о нем ниже).

Для характеристики деятельности окончивших ГЗШ в качестве преподавателей агрономии в семинариях, а вместе с этим и для характеристики ГЗШ представляют интерес некоторые данные о постановке обучения агрономии в семинариях.

Прежде всего следует отметить, что принятые в ГЗШ юноши-семинаристы, хотя и хорошо были подготовлены по общему развитию даже для поступления в университет, но, совершенно не имея никаких предварительных знаний по ботанике, зоологии, химии, которые не преподавались в семинариях, само собой разумеется, не могли за два года пребывания в ГЗШ подготовиться должным образом для педагогической работы по агрономии. Кроме того, само обучение агрономии в семинариях, к которому приступили окончившие ГЗШ, оказалось в самых неблагоприятных условиях: без наглядных пособий, без практических работ в хозяйстве, при недоверчиво-пренебрежительном отношении семинарского начальства к агрономии, слишком отличавшейся от всех остальных церковно-догматических и схоластических предметов. Значительная доля правды о состоянии обучения агрономии в семинариях заключается в следующих воспоминаниях одного сельского священника, обучавшегося в семинарии в 50-е годы:

«Когда я был в богословском классе, — вспоминает он, — тогда в семинарии проходились все науки света: кроме специальных, богословских, мы проходили химию, физику, минералогию, ботанику, зоологию, растениеводство, скотоводство, агрономию, геологию, геодезию, медицину и пр., что теперь и названий-то уж не припомнишь. Все нужно было изучить в течение двух последних лет. Мы поэтому были и богословы, и философы, и астрономы, и скотоводы, и доктора, словом, куда нас ни ткну, мы везде были кстати, мы знали все, что хотите. Химию, например, мы изучали без лаборатории и каких-бы то ни было пособий. А поэтому кислород, например, мы представляли себе, что это есть что-нибудь вроде уксуса; водород — вроде пара и тумана, из которого образуется вода; углерод — вроде вонючего дыма и т. п. Мы изучали минералогию, не видевши, кроме одного булыжника, ни одного камня; мы производили нивелировку и измерения без нивелира, без мензулы, астролябии и цепи; пахали различными плугами, сеяли, молотили и веяли различных конструкций машинами, не видевши никогда ни одной [107 а; 433].

Приведенный отрывок из «Записок сельского священника» говорит о крайне неудовлетворительном состоянии преподавания агрономии в семинариях и в то же время показывает, до каких нелепостей и несообразностей доводит одно теоретическое изучение агрономии, науки по своей природе практической. Но данное воспоминание не дает еще основания в силу названных условий обучения винить самого препода-

вателя за плохую работу. Тем более, что в «Записках» критикуется не столько преподавание агрономии, сколько главным образом многопредметность в системе семинарского обучения, вызванная стремлением Синода сделать окончивших семинарии энциклопедистами, чтобы они, став служителями церкви, могли подойти ко всем явлениям жизни, чтобы «везде они были к стати, куда бы их ни ткнули». К стати сказать, с конца 40-х годов в семинариях было введено преподавание и медицины.

Плохой отзыв о постановке обучения агрономии в семинариях дал в 50-е годы также помещик В. Журавлев в «Письме» в издательство «Журнала землевладельцев». «В семинарии, в губернских городах, — писал он, — читаются агрономические лекции, но студенты слушают их лишь для формы и не принимают из них ничего, за негодностью в своих хозяйствах» [87]. Но в этом отзыве Журавлев исходил из своего враждебного отношения к агрономии, о чем ниже.

Крайне низкий уровень обучения сельскому хозяйству в духовных семинариях объясняется главным образом отношением Синода (высшего церковного органа управления) к агрономии, как второстепенному, служебному предмету среди других семинарских дисциплин.

При направлении семинаристов в ГЗШ и введении преподавания агрономии в духовных семинариях Синод стремился удержать семинаристов от участвовавших случаев ухода из семинарии и отказа от церковной карьеры, сделав их занятия более разнообразными и авторитетными среди крестьян. С началом же занятий по сельскому хозяйству в семинариях этот предмет занял второстепенное, служебное место среди других семинарских предметов. Лишенная учебно-вспомогательных средств и сводившаяся к одной теории, агрономия, по мысли церковных руководителей, должна была выполнять такую же роль «служанки» богословия, какую в семинариях выполняла философия, и «служанки» не только богословия, но и крепостного строя, на охране которого стоял Синод.

С таким положением агрономии не могли мириться преподаватели, хотя и мало подготовленные в ГЗШ, но разделявшие различно-демократические взгляды и отрицательно относившиеся к церковно-богословским предметам, от изучения которых они сами ушли. Преодолевая всякие препятствия, они старались заинтересовать своих учеников сельскохозяйственными знаниями и отвлечь от церковно-богословской схоластики.

В этом отношении показательна педагогическая деятельность в семинариях некоторых из окончивших ГЗШ.

Особенно следует отметить педагогическую деятельность окончившего ГЗШ в 1846 г. преподавателя агрономии Нижегородской духовной семинарии Л. И. Сахарова, учителя и воспитателя революционного демократа-разночинца Н. А. Добролюбова, который учился в этой же семинарии с 1848 по 1853 год, Сахаров любил свой предмет и применял разнообразные средства, чтобы расположить учеников к изучению естествознания и отвлечь от церковной схоластики. Он не ограничивался уроками в классе, а вместе с учениками, в числе которых был и Добролюбов, устраивал экскурсии в соседние поля и луга по примеру тех экскурсий, в которых он сам участвовал, обучаясь в ГЗШ. Во время экскурсий Сахаров знакомил своих учеников с растительным и животным миром, с хозяйством крестьян, а ученики собирали коллекции растений и насекомых [48; 38]. Кроме того, Сахаров принимал учеников у себя на дому, беседовал с ними как по вопросам, связанным с его предметом,

так и о дальнейшем образовании в светской школе. Одну из таких бесед Добролюбов, часто навещавший его, записал в «Дневнике» за 16 января 1852 года:

«4-го был я у Л. Ив. Сахарова. Заговорили о Н. А. В., отправившемся в нынешнем году в университет, и Л. И. сказал, что он пишет к нему, что экзамен сдал хорошо и легко, что заниматься там легче, чем даже в семинарии. А уже чего легче заниматься в семинарии. Я несколько не занимаюсь, и все-таки из первых не выхожу. Я сказал, что и мне хотелось бы поступить туда же. Л. И. даже обрадовался этому, очень охотно стал со мной говорить об этом, сам вызвался написать к Н. А. о моем желании и сказал даже, что «он (т. е. Н. А.) и программой может послужить». Кроме того, он давал мне несколько советов, как вести себя в семинарии, чтобы успеть подготовиться и чтобы меня не стали удерживать в семинарии. Мы разошлись, и Л. И. сказал, что мы еще об этом потолкуем... Но после я был у него раза два, и нам еще «потолковать» не удавалось... Впрочем с тех пор я начал серьезно об этом подумывать» [48, 46—47].

Мнение любимого учителя Сахарова, обрадовавшегося желанию Добролюбова поступить в университет и дававшего советы, как это осуществить, несомненно, оказало влияние на взгляды и на поведение Добролюбова. Годы 1852 и 1853 были годами встреч и бесед с Сахаровым, по словам исследователя [52; 109], временем перелома в мировоззрении 16-летнего Добролюбова, перехода от мечтательности к серьезным планам, от религиозности к материализму. В 1853 г. Добролюбов, не закончив последнего класса семинарии, уезжает в Петербург, зачисляется по экзамену в педагогический институт и, сблизившись в 1856 г. с Н. Г. Чернышевским, выходит на большую дорогу общественно-политической и литературно-критической деятельности.

Кроме учебно-воспитательной работы, Сахаров занимался исследованием состояния сельского хозяйства Нижегородской губ. и написал статью «О хозяйственных промыслах села Кичанзина, Нижегородской губ.», которую поместил в «Трудах» ВЭО; за статью Сахаров получил от Общества награду.

Некоторым из преподавателей агрономии в духовных семинариях удавалось, благодаря своей настойчивости и поддержке со стороны, устраивать при семинарии учебное хозяйство. И. Хитров, питомец Московской (Вифанской, в 60 верстах от Москвы) семинарии, после окончания ГЗШ в 1846 г. стал преподавателем агрономии в этой же семинарии и проявил большую настойчивость и организаторские способности в устройстве при семинарии учебной фермы. При поддержке преподавателей семинарии и духовной академии, а также Московского общества сельского хозяйства Хитров заарендовал вблизи семинарии пустошь Коршунихи размером в 30 десятин, приобрел живой и мертвый инвентарь, обстроил этот участок, возделал его при участии учеников, ввел учет работ и расходов — одним словом, устроил относительно хорошую ферму пригородного характера [89; ч. 32, 102—112]. Работы на ферме пробуждали у семинаристов интерес к сельскому хозяйству. Не без влияния Хитрова во время работ на этом участке зародилась любовь к сельскохозяйственным знаниям у А. Советова, учившегося в это время в Вифанской семинарии, поступившего из нее в ГЗШ и ставшего впоследствии выдающимся ученым агрономом.

Подобную же ферму устроил при Тверской духовной семинарии преподаватель агрономии этой семинарии С. Садиков, также окончивший ГЗШ в 1846 году. Отчет о занятиях с семинаристами на этой ферме Садиков поместил в «Трудах» ВЭО, которое признало деятельность Садикова «услугой отечественному земледелию» [1864, т. 1].

Выделился своей педагогической деятельностью окончивший высший разряд ГЗШ в 1846 г. преподаватель агрономии Рязанской духовной семинарии П. Соколов. После преобразования ГЗШ в ГЗИ он, один из немногих, воспользовался правом, предоставленным окончившим ГЗШ, сдал дополнительные экзамены при ГЗИ и получил взамен аттестата диплом на звание агронома [92; кн. 1, 29]. В 1855 году Совет ГЗИ избрал П. Соколова, как одного из лучших педагогов, почетным членом Совета института. П. Соколов и его товарищ по семинарии П. Кипарисов, также окончивший ГЗШ и преподаватель Рязанской семинарии, умели заинтересовать учеников естествознанием. Их деятельность оказала влияние на учившегося в 60-е годы в Рязанской духовной семинарии И. П. Павлова, который, увлекшись естествознанием, бросил семинарию, не окончив ее, отказался от церковной карьеры, поступил на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета и стал затем выдающимся ученым физиологом [45].

Ученики Вятской духовной семинарии, по воспоминаниям И. Красноперова, учившегося в этой семинарии в 50-е годы, писали сочинение по агрономии на тему: «Совместно ли занятие священника с занятием земледельца?» Отвечая на этот вопрос положительно, ученики в сочинении проводили разницу между «белоручками-аристократами», помещиками и земледельцами-крестьянами и высказывали мысль о необходимости ведения рационального хозяйства без «белоручек» [58]. Преподавал агрономию в этой семинарии окончивший ГЗШ А. Свечников.

Во Владимирской семинарии агрономию преподавал питомец этой семинарии и окончивший высший разряд ГЗШ Н. Я. Дубенский. Одновременно с преподаванием агрономии он изучил состояние крестьянского хозяйства, в результате чего написал статьи об улучшении быта помещичьих крестьян («Земледельческая газета», 1858) и «О производительности, доходности и ценности земель Владимирской губ.» («Сельское благоустройство», 1859). В 1860 г. Дубенский прибыл в Петербург и, вступив в члены ВЭО, стал ближайшим помощником профессора А. В. Советова по редактированию «Трудов» ВЭО. В 1864 г. Дубенский определился в Могилев секретарем статистического комитета по устройству крестьян Западного края и составил книгу «Оценка земель Западного края, в частности, Могилевской губ.» (1865) [Русск. биогр. словарь, Дубенский].

В. М. Черемшанский, окончив после Оренбургской семинарии высший разряд ГЗШ, направился преподавателем агрономии в Уфимскую семинарию. Там он занялся также изучением хозяйства Оренбургской губ. и в 1854 г. представил в Ученый комитет МГИ свое «Хозяйственно-статистическое обозрение Оренбургской губ.» на соискание награды, установленной в 1847 г. министерством за лучшие хозяйственные описания губерний. Ученый комитет нашел сочинение Черемшанского лучшим из представленных по полноте, основательности изложения, по множеству собранных данных и присудил ему золотую медаль [89; 1854, X, 160—162]. В сочинении он описывал хозяйство и быт башкирцев, крестьян государственных и крепостных, климат и др. В 1859 г. «Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом и этнографическом отношениях» было издано в Уфе. По мнению современного исследователя Н. М. Дружинина, труд Черемшанского не утратил своего значения и в настоящее время [49 б; 246].

К. А. Чоловский, окончивший Могилевскую семинарию и высший разряд ГЗШ, преподавал сначала агрономию в своей семинарии, а за-

тем естественную историю в Могилевской женской гимназии. Кроме педагогической работы, Чоловский занялся совместно с другими ботаниками изучением местной флоры. В итоге он собрал гербарий местных растений и составил статью «Флора Могилевской и близких к ней губерний» (1857), а в дальнейшем провел большое исследование растительного царства Могилевской губ. по системе выдающихся ботаников Леденбура и Линнея. Труд этот был напечатан в 1882 году [47; кн. 1, 24, 266—452].

Деятельность названных лиц из числа бывших семинаристов, окончивших в 1846 году высший разряд ГЗШ [89; 1864, IX, 110—124]: Дубенского во Владимире и Могилеве, Палимпсестова в Саратове и Одессе, Садикова в Твери, Сахарова в Нижнем Новгороде, Соколова в Рязани, Хитрова в Москве, Черемшанского в Уфе, Чоловского в Могилеве — показывает, что обучение агрономии в семинариях не было таким, каким оно казалось «сельскому священнику», а приносило свои плоды. Эти преподаватели, как и другие их товарищи по ГЗШ, распространяя среди разночинной молодежи естественно-научные и сельскохозяйственные знания, отвлекали эту молодежь от духовной карьеры, направляли ее на общественно полезную деятельность, а также способствовали развитию естествознания и агрономии.

В конце 40-х и в 50—60-е гг. случаи отказа семинаристов от духовной карьеры не только не уменьшились, как предполагал Синод, а участились и превратились в своего рода «бегство семинаристов в науку», что было в некоторой степени результатом деятельности преподавателей агрономии, а следовательно, и деятельности ГЗШ, которую окончивали эти преподаватели. Поэтому с 1857 года, когда определилась крестьянская реформа, Синод прекратил направление в ГЗИ семинаристов, которых до этого времени посылал. Когда после выстрела Каракозова (апрель, 1866 г.) последовал поворот в сторону реакции, когда началось гонение на естественные науки, как на источник нигилизма и материализма, когда раздались в правительственных кругах голоса, что «духовные семинарии родят Чернышевских и что вольномыслие доходит до самых крайних пределов по преимуществу среди питомцев духовных учебных заведений» [105 г; 563], Синод прежде всего упразднил с 1867 года в духовных семинариях преподавание агрономии, а вместе с тем и естествознания, которое как подготовительная часть входило в агрономию.

При высшем разряде ГЗШ в 40-е годы действовал и низший разряд, готовивший «земледельческих учеников», которые могли или поступить в высший разряд, или занять какую-либо должность в казенном имени. Ежегодный прием учащихся в низший разряд до его преобразования в 1848 г. в земледельческое училище, хотя и продолжал оставаться небольшим, но постепенно возрастал (от 7 до 17). В течение первых 5 лет (1840—1844) в низший разряд было принято 50 человек, происшедших из разных мест России.

Из этих 50 учеников 24 содержались на счет казны, 15—на счет казенных палат, направивших их в школу, 6—своекоштных и 5—вольноприходящих.

По социальному происхождению среди этих учеников было детей крестьян 43—86% (из них казенных—33, помещичьих—3, дворовых—3, больноотпущенных—4), детей мещан и купцов—7—14%; по образованию 28 с домашним образованием, 10 из приходского и 8 из уездного училищ, 4 из гимназии.

Таблица 2

Распределение учеников низшего разряда ГЗШ по губерниям, из которых они прибыли в течение первых 5 лет [89; 1843, № 4, № 1—3, 1846, № 1—3]

№ п/п	Губернии	Число учеников	%
1	Белоруссия: Могилевская—18, Виленская—3, Витебская и Гродненская—по 2, Минская—1	26	52
2	Центр и Север России: Смоленская—5, Курская—3, Казанская—2, Архангельская, Вятская, Нижегородская, Петербургская, Псковская, Тамбовская—по 1	16	32
3	Украина: Каменец-Подольская—2, Екатеринославская, Волынская, Черниговская—по 1	5	10
4	Западные губернии: Белостокская—2, Курляндская—1	3	6
	Итого	50	100

Учение в низшем разряде проходило в 3 классах по следующему учебному плану (в скобках названо число недельных часов летом и зимой):

1 класс—закон божий (1,5; 3), русский язык (3; 4,5), арифметика (1,5; 4,5); география (1,5), чистописание (3; 4,5), черчение (1,5; 3), общие понятия о сельском хозяйстве (1, 5; 3). Итого летом—12, зимой—24 часа классных занятий в неделю.

2 класс—закон божий (1, 5, 3), полеводство, луговое хозяйство, скотоводство (4, 5; 6). Всего классных занятий 6 недельных часов летом и 9 зимой. Остальное время отводилось на практические работы и на внеклассные занятия по начальной геометрии, низшей географии, сельскому домостроительству, пчеловодству и ветеринарии.

3 класс—закон божий (1, 5; 3), русский язык (1, 5; 4, 5), арифметика (1, 5; 3), история России с всеобщей географией (3), черчение (1, 5; 3); начала естествознания (1, 5; 3), домоводство и домоустройство (1, 5; 3), счетоводство и бухгалтерия (1,5), лесоводство и сельскохозяйственная технология (1,5; 1,5). Итого летом—12, зимой—24 недельных часа [3; № 421].

Классные занятия проводились ежедневно, кроме среды и субботы, которые назначались только на практические работы на полях, в ботаническом саду, на скотном дворе, на строительстве хозяйственных построек в ГЗШ и местечке.

В 1843 г. после выпускных экзаменов, проведенных в присутствии всех преподавателей ГЗШ, впервые окончило низший разряд 6 крестьянских мальчиков, из которых 2 (Буглаков Н. и Малышев В.), как отличные по познаниям и ревности, были занесены на похвальную доску. Отчет по ГЗШ особенно подчеркивал прилежание учеников крестьян в низшем разряде и писал следующее:

«Не приготовленные несколько до поступления в школу, со способностями неразвитыми, молодые люди эти лишь примерному прилежанию обязаны успехами, ими оказанными; только при этих условиях можно было в краткое время всего учебного курса из деревенских мальчиков, знавших при поступлении одну лишь азбуку, приготовить к предстоящему в 1843 г. выпуску людей со сведениями как теоретическими, так и практическими гораздо обширнейшими тех, какие данные в классе управителей встретить можно... Нельзя не признать их приле-

жание и ревность действительно примерными. И это прилежание происходит единственно от собственного убеждения воспитанников в пользе приобретаемых в школе познаний» [89; 1842, № 3, 1843, № 4].

Постепенно возраставшее в низшем разряде ГЗШ число учащихся крестьян и их прилежное отношение к обучению в ГЗШ показывали, что ушла в прошлое описанная выше картина враждебного отношения крестьян к сельскохозяйственной школе конца XVIII в.—Петербургской практической школе земледелия, когда крестьяне своих детей, насильно набранных в школу, с плачем провожали, как при сдаче в рекруты, и выступали против этих наборов. Во вторую половину 40-х годов создается иная картина. Под влиянием пробудившегося у крестьян признания пользы грамотности и деятельности открытых Министерством государственных имуществ крестьянских школ, в особенности учебных ферм, обнаруживается тяга крестьянских детей к образованию, к изучению окружающей жизни и поддержка этой тяги со стороны родителей. Это подтверждается не только данными из истории ГЗШ в 40-е годы, но и другими документами.

В. Г. Белинский в отзыве 1848 г. о благотворном влиянии на крестьян издававшегося тогда «Сельского чтения» писал: «Назад тому лет 50 матери выли, как по мертвым, провожая сыновей своих в школы, и это матери не крестьянки, а разных городских сословий, а теперь всякий крестьянин радехонек возможности выучить своего сына грамоте» [70; 79]. Поэт Н. А. Некрасов, встретив в эти годы бедного одетого крестьянского школьника с книжкой в котомке, ободрил его: «Знаю, батька на сынишку издержал последний грош! Или может ты дворовый из отпущенных?.. Случай тоже уж не новый... не робей, не пропадешь!»

На торжественном акте 1843 г. при первом выпуске учеников низшего разряда, приуроченном к 15 августа—дню открытия ГЗШ, в присутствии нескольких соседних помещиков и чиновников из Могилева проф. Целлинский произнес речь [89; 1844, № 2, 79—88] о значении для развития ГЗШ Постановления 1842 г. и посещения в 1841 г. ГЗШ министром Киселевым, который предложил пополнить при школе учебные кабинеты и другие учебно-вспомогательные учреждения так, чтобы они вмещали в себе образцы сельского хозяйства всей России.

Далее в речи Целлинский популяризировал сельскохозяйственную науку и образование:

«Уже время миновало, когда агрономические науки и вообще всякое систематическое изучение сельского хозяйства считались ненужными для практики. Ныне упрочивается то убеждение, что наука сельского хозяйства есть не что иное, как систематическое изложение всех дознанных и поверенных на опыте правил практики всех времен и народов, и что теория есть не что иное, как усилии человеческого ума объяснить и оправдать эти правила законами природы и законами произведения ценностей, выведенными из наблюдений над природой и человеческим обществом. Этому научают нас естественные науки и политическая экономия».

В заключение Целлинский отметил как «отрадное явление» участие в жизни ГЗШ местных хозяев.

Из 6 учеников первого выпуска 2 были оставлены на работе при ГЗШ в ботаническом саду и на фольварке, один—возвращен помещику, а 3 остались неустроенными на работу, получив на руки аттестаты с припиской, что «по окончании 3-годичного курса они в разных должностях по управлению имением употреблены быть не могли». Недостаточная подготовленность была причиной их неустроенности на работу,

и МГИ вынуждено было установить с 1844 г. для окончивших низший разряд дополнительную годовую практику в ГЗШ под руководством агронома. Окончившие низший разряд в следующие годы охотнее принимались на работу в учебных фермах надсмотрщиками полевых работ, в окружных и волостных органах МГИ, на фольварках ГЗШ и т. п.

Таблица 3

Число учащихся ГЗШ и учебной фермы, окончивших с года открытия ГЗШ в 1840 по год основания ГЗИ в 1848 году

Уч. заведение	Годы	Годы										Всего окончило
		1840	1841	1842	1843	1844	1845	1846	1847	1848		
Высший разряд	учащихся	—	—	—	3	76	83	86	43	56	—	
	из них окончило	—	—	—	—	2	—	57	16	7	82	
Низший разряд	учащихся	7	17	25	5	40	36	31	22	26	—	
	из них окончило	—	—	—	6	7	12	10	2	3	40	
Учебная ферма	учащихся	—	—	—	—	—	43	83	117	77	—	
	из них окончило	—	—	—	—	—	—	—	—	40	40	
Всего учащихся		7	17	25	38	116	162	200	182	159	162	

[89; 1843 г. — №3, 1845 г. — №1—3, 1846 г. — №1—6 и др. отчеты по ГЗШ

Данная таблица показывает, что:

- 1) прием семинаристов в 1844 году в высший разряд способствовал его дальнейшему развитию и пополнению учащимися и дал наибольшее число окончивших по сравнению с низшим разрядом и учебной фермой;
- 2) низший разряд пополнялся учащимися в пределах от 20 до 40; с 1845 года прием в него снизился в связи с открытием учебной фермы, и число окончивших было незначительно по сравнению с общим числом из-за слабости подготовки;
- 3) прием в учебную ферму шел равномерно (около 40 человек в год), в 1848 году приема в нее не было из-за нехватки помещения в связи с открытием института.

Одновременно с учебными занятиями в высшем и низшем разрядах, в первую половину 40-х годов в ГЗШ устраивалось хозяйство как на «образцовой запашке» (на землях пяти школьных фольварков), так и в школьном имении. Кроме того, были поставлены на опытном поле первые сельскохозяйственные опыты. На фольварках Горецком и Ивановском были установлены с 1842 года севообороты: на первом—8-польный, на втором—12-польный, с распространением десяти под культуры на 8 лет (до 1849 года). На трех остальных фольварках до окончания люстрации оставалось хозяйство трехпольное. В первом экономическом году (1842/43) на фольварковых землях было удобрено 70 десяти под озимую рожь и 12 десяти под картофель, остальные же земли остались неудобренными. При этом пшеница Арнаутка засевалась только в Горецком и Наталинском фольварках на 8,5 десятинах, картофель — в Горецком, Наталинском и Ивановском фольварках на 12 десятинах, лен—на 2 десятинах и вика—на 1 десятине; остальные культуры: рожь, ячмень, овес, гречиха, горох — во всех фольварках в разных размерах. Урожай сам 1843 года был следующий: рожь, ячмень, лен — 3, пшеница — 4,5, овес—3,5, гречиха, картофель и горох—4, вика—9 [89; 1843 г., ч. VIII, 232—233].

Урожай на фольварковых полях ГЗШ в этом же году почти не отличался от урожая у крестьян школьного имения, где озимая рожь дала сам 2,5 и яровая—3. После выделения из урожая со школьного имения семян для посева и в запасный сельский магазин на каждую ревизскую душу приходилось 4 четверти (в четверти 8 пудов) и 1 четверик, т. е. 33 пуда

В 1843 г. положено было начало улучшению скотоводства, которое в окрестностях ГЗШ, как указывалось выше, было в крайнем упадке. В этих целях приобретено 20 лошадей эзельской и вятской пород. В дополнение к 146 коровам местных пород, которые достались ГЗШ от казенного управления имением, были пригнаны коровы других пород: холмогорской из Петербургской губ. (10), фохтландской из Лифляндии (6), литовской из Виленской губ. (3) и из Украины (35). Однако эти коровы неместных пород с трудом акклиматизировались. Холмогорская корова, например, несмотря на хорошие уход и корм, давала в год 1180 кварт молока (кварт около литра) и приносила свыше 30 руб. убытка. Украинские коровы никак не приручались к доению и утаивали молоко, так что директор ГЗШ хотел было продать весь украинский скот и приобрести другие породы; но департамент сельского хозяйства не разрешил это делать, указывая на то, что ГЗШ соответствующим уходом и кормлением должна улучшать скотоводство. Из-за недостаточности кормов и убыточности содержания коров украинской и местной пород контора ГЗШ стала отдавать этих коров крестьянам в аренду по 2,5 рублей в год за корову.

Указанные неблагоприятные хозяйственные условия для учебных занятий в ГЗШ были в значительной степени результатом того упадка, в котором находились скотоводство и полеводство в Горыгорецком имении еще до открытия ГЗШ.

Для проведения сельскохозяйственных опытов было выделено особое опытное поле на ровном участке в 20 десяти в Горецком фольварке. Опытное поле было учреждено, как уже указывалось, на основании § 60 Положения о ГЗШ 1836 года, в котором говорилось, что «для особых опытов избирается отдельный участок земли или опытное поле при самой школе» как с учебной целью, так и для развития сельского хозяйства — продвижения южных и новых культур на север.

Почва опытного поля, по описанию Целлинского и Михельсона, в пахотном слое рыхлая, плодородная, суглинистая, содержащая песок, глину и чернозем, а в подпочве—мелкий суглинистый песок со значительной примесью железной окиси, так называемого подзола; в почве известковых частиц не оказалось, но много железной окиси.

В 1845 г. опытное поле для защиты от весенних северных и северо-восточных холодных ветров было обнесено с трех сторон земляным валом, обсаженным липовыми кустами. Опыты состояли в изучении удобрений и акклиматизации растений. Во время опыта велись таблицы по учету посева, времени всхода и уборки, количества урожая и рабочей силы, а затем делались выводы.

В первый год (1842) было проведено 9 опытов, из которых 7—с удобрениями и по одному—с кормом для дойных коров и по уходу за картофелем. Многие из опытов продолжались в течение нескольких лет [89; ч. VIII, 232—233 и ч. XX, 1—47].

О характере опытов можно судить по следующим опытам с удобрениями и картофелем. Опыты над удобрениями состояли в сопоставлении

неудобренного участка с удобренными, находящимися на одной и той же десятине, разделенной на равные части и засеянной рожью и овсом (1845).

Таблица 4

Опыты в ГЗШ над различными видами удобрений в 1845 году [89; 1846 г., № 7, 24—28]

Деление десятины	Первая десятинна ржи		Вторая десятинна ржи		Третья десятинна овса	
	вид удобрения	уро-жай сам	вид удобрения	уро-жай сам	вид удобрения из зелени	уро-жай сам
Часть 1-я	Навоз кр. рогатого скота	15	Компост	10,6	Гороха	7
2-я	овец	14	Известь	9,6	Гречихи	6
3-я	лошадей	11	Зола	6,5	Мади	5,5
4-я	Жженая глина	9,2	Раствор серной кислоты	6,6	Шпергеля	3,5
5-я	Зеленое удобрение (смесь)	9,1	Не удобрена	6,8	Не удобрена	6
6-я	Не удобрена	6	—	—	—	—

Отчет по этим опытам устанавливал, что навоз крупного рогатого скота и компост—лучшие удобрения, особенно в сравнении с удобрением из зелени. На участках, удобренных зеленою мади и шпергеля, получился плохой урожай, по объяснению отчета, из-за вымочек, которые были на этих участках.

Мадия разводилась на опытном поле ГЗШ для технических целей. Из 100 фунтов семян мади добывали 18 фунтов масла, которое горело без копоти, ярче и дольше конопляного; очищенное серной кислотой масло по вкусу заменяло прованское; выжимки мади шли на корм скоту.

В течение 3 лет (1842—1845) ставились опыты для определения, как выгоднее унавоживать поле: один раз, запахивая навоз на двойную глубину (на 5 вершков), или два раза, запахивая на обыкновенную глубину. Разницы между первым и вторым способами удобрения не оказалось.

Для определения вкусовых качеств картофеля было исследовано 38 сортов картофеля, из которых 7 сортов — местных, 13 — привезено в 1836 г. из Вены и 18—прислано департаментом сельского хозяйства. Картофель всех этих сортов был посажен 14 мая 1845 г. на 1840 квадратных саженях и убран 12 сентября. В результате опыта был составлен список всех 38 исследованных сортов с указанием их названий, цвета кожи и мякоти, величины и формы, положения и устройства глазков, вкуса клубней, количества посева и урожая. Наиболее вкусным и урожайным (сам 15,5) оказался картофель ранний (Согне de vache), красноватый снаружи, желтый внутри, круглый, крупный, с большим количеством глазков.

В ГЗШ проводились опыты и по животноводству в условиях скотного двора.

Так, в 1843 г. был проделан опыт над различными кормами для дойных коров с целью определения влияния их на удойливость и вес. Подопытными были три дойных холмогорских коровы, имевшие один возраст и отелившиеся в одно время. Каждую из трех коров кормили

в течение первой недели зеленой рожью, вторую неделю—красным клевером, третью—шпергелем и четвертую неделю—смесью вики, ячменя и овса. Каждый день в течение месяца определяли удой. Перед каждым новым видом корма и после него корову взвешивали, корм давался по весу от 12 до 17 фунтов и вволю на водопой коровы выгонялись два раза в день. Результаты опыта показали: зеленая рожь коровам не нравилась, от нее коровы теряли в весе и убавляли молоко; красный клевер прибавил вес и молоко; шпергель сначала прибавил молоко, но убавил вес из-за слабительного действия этого корма; смесь из вики, овса и ячменя коровы ели с меньшей охотой, чем клевер и шпергель, но молока давали больше, чем при клевере [89; ч. VIII, 282, 287].

В следующие 2 года проводился опыт по кормлению дойных коров клевером и картофельной ботвой, посоленными и заготовленными в виде силоса в ямах, покрытых соломой под прессом. Опыты показали, что клевер коровы ели охотно и прибавляли молоко, а соленая картофельная ботва была для скота не только неприятна, но, по мнению школьного ветеринара Брукса, и вредна.

Не вдаваясь в анализ приведенных опытов ГЗШ, носивших по преимуществу механический характер, можно только подчеркнуть, что это были первые сельскохозяйственные опыты, поставленные под наблюдением проф. Целлинского и адъюнкт-проф. Михельсона.

Приведение в порядок хозяйственной части ГЗШ и начало работ на опытном поле сопровождалось также оборудованием и использованием некоторых учебных кабинетов: физического, химического, минералогического, сельскохозяйственных орудий и машин, библиотеки. Библиотека ГЗШ, открытая в 1840 г. при 165 книгах, пополнялась учебной, научной, художественной литературой ежегодно по 300—400 книг, так что в 1850 г. в библиотеке было 4095, в 1857 г. — 6217 и в 1860 г. — 6889 книг. Здесь следует назвать две первых печатных книжки, связанных с жизнью ГЗШ: «Отчет о Горыгорецкой земледельческой школе за 1842» и «Правила о порядке заведывания библиотекою Горыгорецкой земледельческой школы», выпущенные МГИ в 1843 г. отдельными изданиями. «Отчет» состоит из описания учебно-хозяйственного состояния ГЗШ и общественно-экономического состояния школьного имения. К отчету приложены распределение севооборотов, табель посевов и урожая и др. «Правила о порядке заведывания библиотекой» состоит из 66 параграфов и особых форм отчетности.

Выдвижение в ГЗШ на первое место высшего разряда, установление для него учебного плана высшей школы, пополнение ГЗШ квалифицированными преподавателями, появление в высшем разряде значительного числа достаточно подготовленных учеников-разночинцев, начало опытно-исследовательских работ—все эти и другие вышеуказанные особенности придавали высшему разряду характер действительно высшей сельскохозяйственной школы. Вместе с этим назревало преобразование земледельческой школы в земледельческий институт — как высшее учебное заведение с соответствующим новым Положением.

ГЛАВА IV

ГОРЫГОРЕЦКИЙ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ПО ПОЛОЖЕНИЮ 1848 г.

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ высшего разряда ГЗШ в Земледельческий институт проходило в 40-е годы, которые, в сущности, явились начальным, подготовительным периодом эпохи, связанной с реформой 1861 г. Уже в эти годы вопросы о способе освобождения крестьян, об отношении между помещичьим и крестьянским землевладением, о системе землепользования и хозяйства начинали приобретать основное значение в общественно-политической борьбе.

В. И. Ленин, говоря о сущности классовой борьбы в эпоху падения крепостного права, писал:

«Возьмите эпоху падения крепостного права. Шла борьба из-за способа проведения реформы между помещиками и крестьянами. И те и другие отстаивали условия буржуазного экономического развития (не сознавая этого), но первые — такого развития, которое обеспечивает максимальное сохранение помещичьих хозяйств, помещичьих доходов, помещичьих (кабальных) приемов эксплуатации. Вторые — интересы такого развития, которое обеспечило бы в наибольших, возможных вообще при данном уровне культуры, размерах благосостояние крестьянства, уничтожение помещичьих латифундий, уничтожение всех крепостнических и кабальных приемов эксплуатации, расширение свободного крестьянского землевладения. Само собою разумеется, что при втором исходе развитие капитализма и развитие производительных сил было бы шире и быстрее, чем при помещичьем исходе крестьянской реформы».

Эти два направления, указанные Лениным — реакционно-помещичье и прогрессивно-крестьянское — проявились также в борьбе общественных деятелей и ученых по вопросам сельскохозяйственной науки и образования.

Министерству государственных имуществ в своей подготовительной работе к основанию ГЗИ, в разработке Положения ГЗИ и его утверждению приходилось преодолевать различные препятствия со стороны крепостников, одни из которых отрицали сельскохозяйственную науку, другие стремились сделать эту науку достоянием только дворян-помещиков, третьи противились основанию земледельческого института не в столице.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 216—217.

Представителями дворян, отрицательно относившихся к тогдашней сельскохозяйственной науке, были помещики-практики Д. П. Шелехов и П. В. Сабуров.

Шелехов в 20-е годы защищал плодосмен, опубликовал соответствующие сочинения, но, потерпев неудачу с применением севооборотов в своем крепостном хозяйстве, выступил в 40-е годы с отрицанием не только плодосмена, но и всей агрономии. «Сельское хозяйство, — писал Шелехов, — не может быть наукой; оно дитя опыта и есть только знание многочисленных местных фактов» [82 а; 1—22]. «Нет системы посевов, — писал он в другом месте как руководитель сельскохозяйственного отдела журнала «Библиотека для чтения», — которая бы так деятельно грабила и истощала почвы, как плодопеременность. Самое естественное и верное средство обогащения почвы — это трехполье». Земледелие усовершенствуется, писал Шелехов далее, только тогда, когда оно «освободится от ига агрономии и агрономов, от которых не бывает пользы на этом свете» и когда будет отыскано «самое простое средство, чтобы каждое хлебное растение жило постоянно там, где мы отыскивали или приготовили для него самую свойственную и самую удобную землю» [82 б; 32]. В то же время Шелехов возлагал надежды на открытия в области органической химии (избегая называть ее агрономической), которая, по его мнению, должна создать земледельческую науку, совершенно не похожую на неоправдавшую себя агрономию. В подтверждение правильности своего мнения он ссылаясь на Парижскую академию наук, которая, предоставив в академии химикам Буссенго и Пейэну места, предназначавшиеся прежде для агрономов, передала, таким образом, химикам сельскохозяйственную науку.

Не признавал Шелехов также и районирования учебных ферм, основанных МГИ в центральных хлебных губерниях (Тамбовской, Самарской, Саратовской) и в северной (Вологодской), а предлагал устроить крестьянские школы в западных и южных губерниях (Киевской, Волынской, в Дерпте, Одессе) и игнорировал ГЗШ. Заграничную командировку для преподавателей агрономии в России он осуждал и высмеивал. Как бы в противовес МГИ Шелехов открыл в Петербурге свою «Конттору земледельческих дел», которая должна была доставлять на места семена, машины, книги, сбывать в Петербурге и за границу предметы сельского хозяйства, устраивать помещичьи конторы, подбирая «благонадежных управителей и других должностных лиц с достаточными сведениями». Дальше рекламы эта шелеховская контора не пошла.

Одновременно с Шелеховым обрушился на тогдашнюю агрономию и П. В. Сабуров. В своих работах [102] он обвинял агрономию за ее теоретичность, книжность, за то, что, пользуясь естественными науками, она нигде еще не принесла сельскому хозяйству какой-либо пользы, не оправдала ожидавшегося от нее «золотого дождя» и не стала наукой точной и отчетливой. В сельскохозяйственных курсах профессоров М. Павлова и С. Усова Сабуров находил много ошибочных положений, особенно он осуждал Павлова за пренебрежительное отношение к сельскохозяйственной практике, которую Павлов считал «препьющей в состоянии младенчества». Успехи в сельском хозяйстве Сабуров объяснял сметливостью хозяев, в подтверждение чего ссылаясь, например, на ярославских и костромских практиков-овцеводов, выростивших новые породы овец, не уступающие иностранным.

Наряду с Шелеховым и Сабуровым, не признававшими тогдашнюю агрономию и защищавшими крепостную систему, в эти же годы разда-

вались голоса о распространении сельскохозяйственных знаний только среди помещиков для развития сельскохозяйственных промышленных предприятий, которые пользовались поддержкой со стороны Московского общества сельского хозяйства (МОСХ), что нашло выражение в отчете секретаря С. А. Маслова в 1846 г. по поводу 25-летней деятельности Общества [89; ч. XX]. Он утверждал: «Идея науки сельского хозяйства вошла в жизнь государства... Мысль рационального хозяйства принята. Наука, соединенная с благоразумной опытностью, сделалась условием его успехов». Как результат распространения сельскохозяйственной науки Маслов перечислял следующие факты: плодопеременное земледелие, заведенное у Д. Полторацкого, С. Апраксина, Н. Румянцева и других, распространилось и среди небогатых помещиков; получили развитие некоторые отрасли сельского хозяйства: картофель, свеклосахарная промышленность, овцеводство, пчеловодство и др. «Труд земледельца облегчен распространением на юге косыбы хлеба, вместо жнитвы, и улучшенными земледельческими орудиями, сеялками и молотилками». Идиллическая картина сельского хозяйства при крепостном праве, нарисованная Масловым, сопровождалась сельскохозяйственной выставкой при Обществе, на которой были почти исключительно изделия заводов: сельскохозяйственных машин братьев Бутенов, чугунолитейного И. Мальцева, сахарного А. Бобринского и др. Приписав успехи в сельском хозяйстве просвещенной деятельности помещиков, Маслов в этом же отчете сообщил об организации при Обществе Комитета по распространению церковной грамотности среди крестьян. Единственными книгами, которые предлагались этим Комитетом для обучения крестьянок-матерей, были церковные — часослов и псалтырь. МОСХ при помощи церковной грамоты пыталось охранять крепостной строй от усиливавшегося движения за освобождение крестьян.

Будучи в Петербурге, Маслов выступил в кругу столичной аристократии с проектом освобождения крестьян, основываясь на священном писании, на церковно-религиозном учении. Этот проект Маслова, по словам писателя С. П. Жихарева, представлял освобождение крестьян в смешном виде и был направлен на то, чтобы погубить даже самую идею освобождения [53; 651—652].

Деятельность Комитета по распространению церковной грамотности и проект Маслова об освобождении крестьян совпадали со взглядами на образование, высказанными Н. В. Гоголем в «Выбранных местах из переписки с друзьями» (1846). Оказавшись в это время под влиянием скружавших его реакционеров, Гоголь писал, что если крестьянин и учится грамоте, то только для того, чтобы сделаться плутом-контрашником в имении, а поэтому «учить мужика грамоте... есть действительно вздор..., по-настоящему, ему не следует знать, есть ли какие-нибудь другие книги, кроме святых». Резкую и справедливую отповедь дал Гоголю за эти взгляды В. Г. Белинский, назвав его в своем письме к нему «апостолом невежества, поборником обскурантизма и мракобесия». Не пощадил Белинский и Маслова. Когда он узнал о проекте Маслова об освобождении крестьян на основании священного писания, то написал П. В. Анненкову, что Маслов — это «болтун на все руки, либерал на словах, ничто на деле» [46; 314].

Крепостнический взгляд на сельскохозяйственное образование в это же время высказал Я. Калиновский, преподаватель Ярославского, Демидовского лицея, впоследствии (1853—1872) профессор сельского хозяйства Московского университета. В статье «О необходимости учреж-

дения в России высших сельскохозяйственных институтов для дворянского сословия» [101; 1847, № 8—9] Калиновский противопоставил вольнонаемный труд в сельском хозяйстве Западной Европы барщинному труду в России и сделал вывод в пользу последнего. По его мнению, «главнейший класс производителей сельского хозяйства — это дворяне-помещики», располагающие таким капиталом, как земля, и барщинный труд крепостного. Помещик — это «руководитель крестьянского хозяйства, защитник крестьян от соседей, врач тела и души, судья в делах семейных, а сверх того, в годы неурожайные кормилец крепостного и его семьи». Только помещик способен преодолеть те препятствия, которые лежат на пути к улучшению крестьянского хозяйства, как: безграмотность крестьян, их закоренелые предрассудки, недостаточные денежные средства и т. п. Поэтому, писал Калиновский, высшее сельскохозяйственное образование необходимо только «для будущих рациональных помещиков».

Нападение Шелехова и Сабурова на сельскохозяйственную науку, поддержка МОСХ промышленности в крупных имениях, распространение этим Обществом церковной грамотности среди крепостных, проект Калиновского о представлении высшего сельскохозяйственного образования только помещикам — все эти выступления в 40-е годы по вопросам сельскохозяйственной науки и образования исходили из лагеря крепостников, сторонников развития помещичьего хозяйства в условиях крепостного хозяйства.

МГИ в эти годы преодолеvalo антинаучные и крепостнические выступления и продолжало ту антикрепостническую, в значительной степени крестьянскую политику в области сельского хозяйства и образования, которая, как указывалось выше, установилась в МГИ в 1839 г. Укреплению антикрепостнической направленности МГИ способствовал и «Журнал МГИ» (1841—1864), выражавший политику МГИ и его Ученого комитета в области сельскохозяйственного образования. По широте и разнообразию материалов «Журнал МГИ» занимал первое место среди периодических сельскохозяйственных изданий в 40—50-е годы. Антикрепостническое, либеральное направление журнала поддерживалось главным образом А. П. Заблоцким-Десятовским, членом Ученого комитета и редактором журнала.

Заблоцкий сумел объединить около «Журнала МГИ» группу лиц, которая, по словам современного исследователя Н. К. Каратаева, «наиболее полно и развернуто обосновала экономическую программу дворянского либерализма» [55 б; 245—246]. В эту группу, пользовавшуюся поддержкой министра П. Д. Киселева, входили его сослуживцы по МГИ и сотрудники по журналу: К. С. Веселовский, В. Ф. Одоевский и Н. Д. Струков — инспектор сельского хозяйства юга России. К ней следует отнести также Б. А. Целлинского, Б. Г. Михельсона и А. А. Война-Курицкого, которые на рубеже 30—40-х годов работали при МГИ, участвовали в «Журнале МГИ», а затем стали видными деятелями ГЗШ и ГЗИ. Вспоминая впоследствии о деятельности Заблоцкого в МГИ, П. Д. Струков, представитель прогрессивной экономической мысли, говорил, что семья образованных людей в департаменте сельского хозяйства в 40—50-е годы «славилась передовым движением новых экономических идей» и что «в числе главных деятелей, развивавших новые экономические начала», был Заблоцкий [89; 70 ч., 183—190]. Одним из основных положений в программе Заблоцкого и его единомышленников было признание, что крестьянское хозяйство может и должно развиваться самостоятельно, независимо от помещичьего. Для характеристики взглядов

Заблоцкого имеет значение его статья «О причинах колебания цен на хлеб» («Отечественные записки», 1847, № 5), вскрывавшая главные причины экономического кризиса «в неестественном, антиэкономическом распределении производительных сил». Показательна также для «Журнала МГИ» статья Н. Арапетова, ближайшего сотрудника Заблоцкого, «Замечания о хозяйственном быте русского крестьянина», в которой автор доказывал, что «наш крестьянин при некоторых условиях может сделаться прекрасным хозяином, отличным домоводом», что если эти условия наступят, то «почти каждый семьянин будет сам хозяин» [89; 1842 г., II, 370].

Нападения крепостников Шелехова и Сабурова на сельскохозяйственную науку вызвали в «Журнале МГИ» возражение и уверенность в необходимости и ценности этой науки. «С некоторого времени более чем когда, — писал Заблоцкий в редакционной статье, — стали у нас кое-где нападать на теорию, на науку сельского хозяйства; появление и усиление таких нападков есть явное доказательство того, что уже явилось у нас достаточное число последователей и защитников теории и науки. Итак, мы не можем не радоваться, видя завязывающийся в наших периодических изданиях довольно оживленный спор против теории и науки. За них нечего опасаться: они всегда выйдут из этого спора победоносными, а между тем будет та польза, что торжество науки увлечет за собою и тех, которые теперь так, по-видимому, горячо и красноречиво нападают на нее» [89; 1844, № 1].

Соглашаясь с характеристикой, данной профессором Павловым сельскохозяйственной практике как «лепету новорожденного младенца», «Журнал МГИ» не считал, подобно Сабурову, научным делом выведение новой породы овец ярославцами и костромичами, работа которых заключалась в хорошем уходе и кормлении овец, а не в выполнении правил науки о питательности кормов и организме животного.

«Журнал МГИ» считал «чудным изобретением» минеральные удобрения, предложенные Либихом, хотя здесь же подчеркивал, что это изобретение не получит распространения из-за необыкновенной дороговизны удобрения (до 100 руб. за удобрение одной десятины), и предупреждал от увлечения им и забвения «феодалных тягостей», препятствующих улучшению сельского хозяйства [89; 1846, № 9, 168—171]. Так что, воспользовавшись темой о минеральных удобрениях, журнал сумел напомнить о необходимости борьбы в первую очередь с «феодалными тягостями», т. е. с крепостным правом, главным препятствием для развития народного хозяйства.

В отличие от МОСХ, поддерживавшего главным образом сельскохозяйственную промышленность в крупных поместьях и насаждавшего среди крестьян церковную грамотность, МГИ направляло хозяйственную сторону ГЗШ на полеводство и животноводство и распространяло среди крестьян научно-естественно-исторические и сельскохозяйственные знания.

В. Ф. Одоевский, которому МГИ поручило дать отзыв на деятельность Комитета по грамотности при Московском обществе, указывал, что для крестьянских школ надо вводить не церковные книги, а такие как «Детский мир», которые знакомят бы крестьян с правилами гигиены, с явлениями природы, с растениями, животными, минералами, т. е. с самыми необходимыми знаниями, отсутствие которых задерживает улучшение быта и хозяйства крестьян [36; 196].

Министерство распространяло среди крестьян естественно-исторические знания при помощи сборника «Сельское чтение». А. П. Заблоц-

кий и В. Ф. Одоевский продолжали издавать «Сельское чтение» ежегодно по одной книжке до 1847 г., помещали статьи свои и других писателей. Заблоцкий, например, писал статьи: какой хлеб какую землю любит, что называется миром и что такое земля и т. п.; Одоевский писал о том, что такое чертеж земли. Книжки «Сельского чтения» расходились несколькими изданиями в десятках тысяч экземпляров. В. Г. Белинский восторженно относился к «Сельскому чтению», называл его классическим изданием для народа, составляющим «эпоху в истории едва начинающегося у нас образования низших классов» [36; 356].

По содержанию к «Сельскому чтению» близко примыкает книга, составленная также Одоевским и Заблоцким и изданная МГИ для чтения в начальных школах, «Рассказы о боге, природе и человеке» (1849). Эти «Рассказы» должны были будить мысль, сознательность у крестьянских детей и вызывать интерес к истории и естествознанию. «Задача воспитания, — писали авторы в предисловии к этой книге, — состоит не в том, чтобы сделать ученика, что называют, ученым, т. е. насыпать в голову его как можно больше знаний всякого рода, но в том, чтобы, сообщив ему немногие, но существенные истины, развить в нем способность к приобретению знаний: «не то питает, что съедено, а то, что переварено». В главе «История общественной жизни, ее потребностей и обязанностей» под видом договора крестьян Якова и Иосифа популяризируется учение Руссо о договорном происхождении власти. Книга привлекла внимание цензуры и постепенно была изъята из употребления; авторам же ее, Одоевскому и Заблоцкому, удалось остаться безнаказанными, по словам современного исследователя Струминского, только потому, что содержание книги соответствовало общей политике МГИ и было известно министру Киселеву [36; 352—353].

Руководство «Журналом МГИ» Заблоцким, представителем передовых экономических учений, уверенность журнала в торжестве сельскохозяйственной науки, признание борьбы с «феодалными тягостями» первоочередной задачей в развитии сельского хозяйства, распространение среди крестьян научных естественно-исторических сведений, ликвидация в ГЗШ барщины — все это и многое другое дает основание считать деятельность МГИ и его Ученого комитета в 40-е годы антикрепостнической, близкой к демократизму и отличной от деятельности МОСХ.

Параллельно с деятельностью МГИ значительную активность в области сельскохозяйственного образования в 40-е годы проявило также и Министерство народного просвещения (МНП), но несколько в ином отношении. Под влиянием решения «Комитета об усовершенствовании земледелия в России», основанного ГЗШ, МНП также предприняло меры для улучшения преподавания сельского хозяйства в университетах. В конце 1836 г. МНП предложило попечителям всех учебных округов (Петербургского, Московского, Казанского, Киевского, Харьковского, Белорусского и Одесского) ввести преподавание сельского хозяйства в тех университетах, где оно еще не преподавалось, а также открыть, где это возможно, особые курсы агрономических и технических наук. В ответ на это предложение Казанский, Киевский, Харьковский, Дерптский университеты и Ришельевский лицей в Одессе единодушно просили об учреждении при университетах и лицее образцового учебного хозяйства, без которого преподавание сельского хозяйства не налаживалось и не могло иметь успеха [17; 245—254].

МНП, рассмотрев эти пожелания в декабре 1837 г., признало правильным, что преподавание сельского хозяйства может быть действи-

тельно полезным только при наличии особых сельскохозяйственных практических заведений, тогда как преподавание «чисто историческое и теоретическое способно вселить в учащихся охлаждение к науке и дать им только весьма неясные и сбивчивые о вещах понятия». В то же время, считая, что для Петербургского университета таким практическим хозяйством может быть хозяйство Красносельского удельного земледельческого училища близ Петербурга, а для Московского — хутор Московского общества сельского хозяйства, МНП предложило только университетам Казанскому, Киевскому, Харьковскому, Дерптскому и Ришельевскому лицею представить сметы на учреждение при них практических земледельческих хуторов и одновременно обратилось в МГИ с просьбой помочь в приобретении и устройстве земельных участков.

МГИ в июле 1838 г. ответило на эту просьбу согласием, но предупредило, что устройство практических хозяйств вблизи университетов потребует большого времени и издержек. Между тем земельные участки для учебных хозяйств, предложенные университетами и рассмотренные МГИ, оказались неудобными и по почве, и по отдаленности от городов. Например, земельный участок для Казанского университета, близ Лебяжьего озера, оказался неудобным из-за отдаленности от Казани (5 верст), плохого сообщения, а также слишком песчаной почвы.

Из попытки МГИ устроить учебные хозяйства при университетских городах ничего не получилось, и в университетах пришлось ограничиться одним теоретическим изучением сельского хозяйства; названные же учебные хозяйства при Петербургском и Московском университетах не использовались из-за их отдаленности.

Важным мероприятием МНП, повышавшим уровень преподавания сельского хозяйства в университетах и способствовавшим развитию сельскохозяйственного образования и науки, было распространение правил присвоения ученых степеней и на представителей сельскохозяйственной науки. По Положению об ученых степенях 1837 г., выработанных МНП, сельскохозяйственная наука впервые названа в списке наук, которым выдавались ученые степени, требовавшиеся от профессоров и адъюнкт-профессоров в университетах [44—з; 131]. До этого времени профессор сельского хозяйства мог иметь ученую степень по каким-либо другим наукам: медицине, математике и т. д. По правилам 1837 г. магистерскую степень по сельскому хозяйству мог получить окончивший университет со званием кандидата, для чего он должен был предварительно сдать особые экзамены и защитить диссертацию. Экзамены проводились на физико-математическом отделении университета (до 1850 г. это было 2-е отделение философского факультета), на котором преподавалось сельское хозяйство, входившее в одну кафедру с технологией и лесоводством. Экзамены были по трем главным предметам: сельскому хозяйству, технологии и лесоводству и по двум дополнительным: химии и ботанике. Ответ на два письменных вопроса по каждому из этих предметов должен был показать, кроме знания предмета, также знание его истории и литературы. После экзаменов соискатель ученой степени должен был написать и публично защитить диссертацию на тему, избранную им и одобренную факультетом. Ученая степень утверждалась министром народного просвещения. До 1844 г. ученый со степенью магистра по сельскому хозяйству назывался магистром философии (по названию факультета), с 1844 г. — магистром технологии, сельского хозяйства и лесоводства, с 1848 г. — магистром сельского хозяйства. При этом в Положении об ученых степенях оговаривалось, что для университет-

ского профессора по сельскому хозяйству в это время не требовалась докторская степень, как по другим наукам. «Технология, сельское хозяйство, лесоводство и архитектура, — говорилось в Положении, — не требуют степени доктора по физико-математическому отделению, но ищущий должности профессора или адъюнкта должен выдержать экзамен по какой-нибудь из этих наук». Установление в рассматриваемом Положении правил только для получения магистерской степени по сельскому хозяйству и приведенная оговорка объясняются отсутствием в то время вообще лиц с учеными степенями по сельскому хозяйству и началом их присвоения.

Чтобы подготовить профессоров с ученой степенью по сельскому хозяйству, МНП в начале 40-х годов командировало 10 человек, окончивших университеты, за границу, главным образом в Гогенгеймский институт, для усовершенствования в знаниях по сельскому хозяйству, а затем некоторых из них после защиты диссертаций направило к попечителям учебных округов для преподавания в университетах и чтения публичных лекций по сельскому хозяйству.

Вместе с тем деятельность МНП в области сельскохозяйственного образования в 40-е годы расширилась после открытия камеральных отделений и перехода в ведение министерства Маримонтского института сельского хозяйства и лесоводства (начало его деятельности описано в I гл.).

Камеральные отделения были открыты в 1842 г. в Петербургском университете и лицеях Ришельевском, в Одессе, и Ярославском для подготовки администраторов казенных и частных имений. В число учебных предметов камеральных отделений входили науки юридические, философские и естественно-математические, в том числе и агрономия.

Маримонтский институт, обслуживавший польскую молодежь, перешел в ведение МНП после учреждения в Польше Варшавского учебного округа (1839), к которому отошли все польские учебные заведения [34; 229]. Для института и для низшей сельскохозяйственной школы при нем в 1840 г. было составлено профессором Очаповским новое Положение [17; 185—195]. Цель Маримонтскому институту была поставлена почти тождественная с целью, которая была у ГЗШ: подготовить «практических хозяев, которые могли бы не только приводить в действие план улучшенного сельского хозяйства, но были бы в состоянии... и устранять оное по собственному плану» (§ 2 Положения о Маримонтском институте). Принимались в институт 16-летние юноши не с определенными знаниями, а практики «с достаточными сведениями о предметах, находящихся в близком отношении к сельскому хозяйству и лесоводству». Учение продолжалось два года. Для практических работ при институте были фольварковое хозяйство, опытное поле, ботанический сад, лес, лаборатории и кабинеты. Окончившие институт в течение одного года проходили практику в казенном или частном имении или в лесу, после чего подвергались испытанию и получали аттестат на звание опытного хозяина или лесовода. Маримонтский сельскохозяйственный институт по Положению 1840 года оставался средней сельскохозяйственной школой, похожей на реальную гимназию, так как почти все предметы учебного плана института были общетехнические, а в сельское хозяйство и лесоводство давался только небольшой уклон.

В отчете за 1843 год МНП, отмечая расширение своей деятельности по «приспособлению главнейших начал наук, общих к техническим по-

требностям ремесленной, фабричной и земледельческой промышленности», писало следующее:

«К улучшению земледелия в России открываются по мере приготовления преподавателей кафедры агрономических наук в университетах; в значительных городах, где нет университетов, учреждаются публичные лекции об этих предметах. К усилению фабрик устроены при некоторых гимназиях и уездных училищах реальные классы, а в университетах—публичные чтения технических наук. При Петербургском университете введены лекции о сельском хозяйстве, лесоводстве и торговом счетоводстве; при Московском — курсы сельского хозяйства, агрономии и технической химии, курс построения машин, практической механики и начертательной геометрии. При Дерптском университете введены публичные чтения о практической химии, механике и прочих частях технологии. Такие же публичные лекции открыты при университете св. Владимира (Киевском) и предложено учредить образцовые хуторы по крайней мере при некоторых университетах» [39; 249].

Кстати сказать, в этом отчете МНП обошло молчанием находившийся в его ведении Мармонтский институт, как не имевший отношения к сельскохозяйственному образованию в России.

Приведенные факты показывают, что МНП не расходилось с МГИ в таких вопросах сельскохозяйственного образования, как недостаточность одного теоретического изучения сельского хозяйства и необходимость заграничных командировок для подготовки профессоров сельского хозяйства, но в то же время и отличалось от МГИ тем, что МНП не бникало в практическую сторону сельскохозяйственного образования, в устройство учебного хозяйства, в условия труда крепостных, тогда как для МГИ эта сторона дела была очень важной. Кроме этого, МНП проводило в сельскохозяйственном образовании сословную политику: предоставило университетам, предназначенным главным образом для дворян, право присваивать учебные степени по сельскому хозяйству, а крестьян оставляло в стороне от сельскохозяйственного образования, в то же время, как МГИ укомплектовало высший разряд ГЗШ учащимися почти исключительно из разночинцев и устроило в России 8 учебных ферм, распространявших среди крестьян научно-популярные естественные знания.

Деятельность обоих министерств в области сельскохозяйственного образования с его начала до середины 40-х годов была впервые описана профессором сельского хозяйства Московского университета Я. А. Линовским в кратком очерке истории сельскохозяйственного образования в России и за границей [100 б]. В этом очерке Линовский отозвался и о ГЗШ как о школе, в которой лучше и подробнее преподается сельское хозяйство, чем в других школах России. Кроме того, Линовский отметил, что место для ГЗШ — Белоруссия—избрано удачно. Он писал: «Нельзя было выбрать места, более приличного для рассадника улучшенного хозяйства, как Белоруссию, страну, известную у нас своими песками, бесплодностью, лесами и бедностью, страну, где от предприимчивости только народа, от распространения между ним правильного, хорошо обдуманного хозяйства можно было ожидать средств к умножению его довольства и благосостояния» [100 в; № 3. 29]. Откликнулся Линовский и на выступления Шелехова и Сабурова. Защищая сельскохозяйственную науку от их нападок, он утверждал, что статьи Сабурова — самая настоящая теория сельского хозяйства, так как в науке главное содержание — наблюдение и опыт, а не теоретические рассуждения, и что среди русских практиков сельского хозяйства знания «бесспорно, гораздо значительнее, чем у иностранцев, а ярославцы и костромичи добились

успехов в овцеводстве теми же средствами, что и английские скотоводы, которые не были ни химиками, ни физиологами» [100 г; 210—211].

Для развития сельскохозяйственного образования Линовский считал необходимым иметь 3 типа школ: 1) земледельческую школу для крестьян по образцу учебных ферм (здесь крестьяне учатся пахать, боронить, убирать хлеб и не изучают ни химии, ни тригонометрии, ни подобных предметов); 2) институт для подготовки управляющих и приказчиков из крестьян и других сословий с циклом сельскохозяйственных наук по примеру ГЗШ и 3) академию для дворян, где имеются все науки, необходимые для просвещенного хозяина, с учреждением ее «не в городе, не в столице, а где-либо в деревне, в степи, где лучше всего выражался бы характер нашего русского земледелия» [100 в; № 3. 29].

Н. Г. Чернышевский отзывался о Линовском, как о замечательном ученом [76 б; 507]. Линовский погиб 28 лет (1846) от руки убийцы.

При поддержке намеченного МГИ преобразования высшего разряда в ГЗИ в печати со стороны профессора Линовского, одобрявшего избрание Белоруссии для земледельческой школы и предлагавшего основать и земледельческую академию не в столице, а в деревне, МГИ в то же время пришлось бороться с противниками основания земледельческого института в Горках. С возражением против Горок, как места для института, выступил бывший ректор Петербургского университета (с 1836 по 1840 г.), а в 40-е годы член Совета Министерства государственных имуществ И. П. Шульгин. В докладной записке, поданной в МГИ в 1847 г. он писал:

«Учреждая высшее учебное заведение в месте, отдаленном от удобных сообщений, министерству весьма затруднено будет снабдить такое заведение и учебными пособиями, и достойными преподавателями, или должно будет назначить им большое содержание по тому уважению, что они, живя в Горках, не будут иметь способов приобрести что-нибудь сверх получаемого ими от заведения. Нельзя не согласиться с тем, что полезно было бы иметь в отечестве специальное заведение для высшего агрономического образования, но не в Горках и вообще не в Могилевской губ., бедной и образцами успешного сельского хозяйства, бедной и средствами к тому; должно существовать такое заведение в Москве или Петербурге, потому что для подобного заведения важнейшее условие есть возможность найти достойных преподавателей и обильные учебные пособия, а участок земли для опытов по земледелию и его отраслям везде найдется» [1; ф. 381. № 772, 1847 г.].

Кроме того, по мнению Шульгина, Земледельческий институт должен быть мощной сельскохозяйственной школой, для чего необходимо объединить средства, ассигнуемые на земледельческий институт, со средствами, затрачиваемыми на агрономическое образование и в университетах, и в Петербургском земледельческом училище Вольного экономического общества. Шульгин указывал также на несовместимость в одном месте, именно в Горках, высшей и средней земледельческих школ из тех соображений, что высшая школа, предназначенная главным образом для дворян, должна быть территориально отделена от школы для разночинцев и крестьян. В связи с этим Шульгин предлагал повысить оплату студентам института с 125 руб., установленных в штатном расписании, до 150 руб.

Против открытия Земледельческого института в Горках выступил также и товарищ министра государственных имуществ Н. М. Гамалея. Зная, что до того времени высшие учебные заведения открывались только или в столице (Москве, Петербурге), или в большом губернском городе, или вблизи их, Гамалея не допускал даже мысли о возможности открыть в глухой провинции высшую школу по университетскому образ-

ду. Он писал: «Должен заметить, что сравнивать сей институт, имеющий ничтожные ученые и учебные средства, отдаленный от центра образования, не имеющий ни денег, ни людей, — с университетом в правах воспитателей и воспитанников превосходит мое понимание» [17; 43].

Ученый комитет МГИ не согласился с мнениями Шульгина и Гамаля и представил министру через директора департамента сельского хозяйства Левшина свои возражения и объяснения и настаивал на открытии Земледельческого института в Горках.

В объяснительной записке Левшин хотя и соглашался с Шульгиным, что Горки неподходящее место для Земледельческого института, но исходил при этом не из местных условий, а из условий общегосударственного характера. Он писал: «Что институт агрономический, донныне единственный в империи, не на своем месте в Горках, в том нет сомнения; не думаю, чтобы это место было удобно и для учреждения школы (в 1836 г. при Канкрине)» [1; ф. 381, № 772]. Таким образом, Ученый комитет МГИ считал Горки неподходящим местом для земледельческого института только потому, что Горьгорецкий институт, находясь в Белоруссии, в западной части России, и оставаясь донныне «единственной» высшей сельскохозяйственной школой, не мог хорошо обслужить обширную территорию России, ее отдаленные центральные, восточные, южные губернии, в особенности при отсутствии надлежащих транспортных средств. В этом МГИ убедилось на тех трудностях, при которых набирались в ГЗШ педагоги и учащиеся.

Но соглашаясь с Шульгиным, хотя и по другим мотивам, о несоответствии Горок для нахождения в них единственной в России высшей сельскохозяйственной школы, Ученый комитет не соглашался с мнением Шульгина о том, что важнее иметь «достойных преподавателей и обильные учебные пособия, а участок земли для опытов по земледелию и его отраслям везде найдется». Оказывается, как показала описанная выше неудавшаяся попытка МНП приспособить земельные участки для университетов, отыскать подходящее место для института было не так легко и просто не менее, а, может быть, и более важно иметь соответствующий хозяйственный участок в определенных естественных почвенно-климатических условиях, чем иметь «достойных преподавателей». Горки же по своим почвенно-климатическим особенностям были близки к хозяйствам средней полосы Европейской России, так что ГЗИ мог обслуживать значительную часть России.

Эта средняя полоса на карте, которой располагало в это время МГИ по хлебным растениям (ячмень, рожь, яровая пшеница) с севера ограничена линией, проходящей севернее Петербурга, Вологды и Перми, а с юга — линией Киев — Курск — Пенза. По климату Горки показаны в полосе со средней годовой температурой 4—5 градусов тепла между северной линией: Ревель (Таллин) — Смоленск — Орел — Воронеж и южной: Рига — севернее Минска — Чернигова — Харьков (см. прилагаемую карту Европ. России в 1849 г.).

К соображениям хозяйственно-земельного порядка в пользу оставления высшей сельскохозяйственной школы в Горках Левшин присоединил также доводы и финансовые. «Оба заведения, — писал он, — уже существуют там семь лет; на здания и заведения употреблено более миллиона рублей; профессора есть; лаборатории, кабинеты и прочие пособия учреждены. Следовательно, теперь не время рассуждать о месте, избранном правительством, и о перенесении всего там заведенного с по-

жертвованием другого миллиона в другое место». Кроме того, Левшин, возражая на приведенное выше мнение Шульгина, считал, что сосуществование двух типов школ — высшей и средней — в одном месте, именно в Горках, имеет свою хорошую сторону, так как это способствует развитию как высшей школы на опыте средней, так и средней школы, которая сможет воспользоваться силами и оборудованием высшей школы. Не соглашался также Левшин с предложением Шульгина об увеличении оплаты со студентов института, а, наоборот, предлагал уменьшить ее с целью привлечения к сельскохозяйственному образованию менее состоятельных дворян и разночинцев, не имевших средств для жизни в столице.

Доводы Левшина в пользу Горок, как места для Земледельческого института, разделял и министр Киселев, который с начала своего управления министерством предпринял целый ряд мероприятий по укреплению ГЗШ и по подготовке ее к преобразованию в Земледельческий институт. Он дважды (в 1841 и 1846 годах) осматривал ГЗШ, благодаря его энергиям ГЗШ в 1841 г. была освобождена от засилья ярых крепостников-немцев, затем установлен высший разряд, упразднен при школе труд крепостных и открыта учебная ферма. Придерживаясь в своей политике покровительственно-попечительной опеки над крестьянами, Киселев полагал, что расположенная в глубинах России земледельческая школа, кроме своего основного назначения — подготовки специалистов, явится также для окрестных деревень с государственными крестьянами культурным рассадником.

В мае 1847 года проект Положения ГЗИ и его штата, составленный Ученым комитетом МГИ, был рассмотрен и утвержден Советом МГИ. Однако принятие закона о ГЗИ в Государственном совете затянулось на год вследствие противодействия МНП и столичных бюрократов, настаивавших на основании института в столице, а не в провинции. Но в МНП вынуждено было согласиться на преобразование высшего разряда в Земледельческий институт в Горках, так как это оказалось соответствующим тем мероприятиям, которые стало применять министерство против все увеличивающегося в университетах числа студентов, особенно студентов-разночинцев.

Стоя на страже крепостного строя и дворянской культуры, МНП в 1840 году отмечало, что «возрастающее повсюду стремление к образованию» может «поколебать порядок гражданских сословий» и возбуждать «в юных умах порыв к приобретению роскошных знаний», а поэтому предлагало «устранять от поступления в университет молодых людей, никакого наружного образования не получивших в домах бедных и низкого происхождения» [70; 236—37].

Увеличение в 40-е годы числа студентов в университетах сопровождалось ростом среди них демократических настроений и интересов, тягой к естественным наукам. Герцен, вспоминая в «Былом и думах» о Московском университете, писал: «Весь курс 1845 года ходил я на лекции сравнительной анатомии. В аудиториях и в анатомическом театре я познакомился с новым поколением юношей. Направление занимавшихся было совершенно реалистическое, т. е. положительно научное. Замечательно, что таково было направление почти всех царскосельских лицейств... С радостью приветствовал я в лицействах, бывших в Московском университете, новое, сильное поколение» [70; 199—200]. В развитии «реалистического» направления молодежи значительна была роль естествознания, которая, по словам того же Герцена, как никакая другая отрасль

знаний, приучает ум «к твердому положительному шагу, к смирению перед истиной, к добросовестному труду и, что еще важнее, к добросовестному принятию последствий такими, какими они выйдут» [70; 302]. Изучение естествознания сообщало учащимся материалистические взгляды.

Профессор Московского университета Т. И. Грановский в 1847 году писал: «Спор между филологией и естествоведением имеет не одно теоретическое значение: он касается высших вопросов нравственных и общественных... Знакомя юношу только с высшей природой и с ее механическими и химическими законами, естествознание, отрешенное от учений, имеющих предметом духовные стороны бытия, неминуемо приводит к материализму» [39; 355].

На увлечение молодежи естествознанием в эти годы оказывали большое влияние статьи Белинского и Герцена. С. И. Сычугов, окончивший в 40-е годы Вятскую семинарию, а затем студент-медик Московского университета, вспоминает, что статьи Белинского и книга Герцена «Письма об изучении природы» (1846) произвели переворот в его взглядах или, как он выражается, «совсем перекувыркнули мое прежнее мировоззрение» и определили избранную им профессию врача [72; 227—228].

Борясь с укрупнением и демократизацией университетов, МНП, между прочим, в 1845 г. увеличило плату за учение, в 1847 г. упразднило вольнослушателей, в начале 1849 года ограничило число студентов философского и юридического факультетов до 300, что было равносильно закрытию приема в университеты, так как число студентов, имевшихся до этого, превышало установленный комплект; медицинского факультета ограничение не коснулось, как факультета «прикладных, практических знаний».

Хотя эти мероприятия и сократили число студентов в 6 тогдашних университетах России на 25% (4006 в 1848 г. и 3018 в 1850 г.) [34; 221], но не приостановили все возрастающую тягу молодежи к образованию. Молодежь, оставшаяся за бортом университетов, МНП старалась направить или в открытые при некоторых гимназиях реальные классы, окончившим, которые давалось преимущество при приеме на службу, или в военные школы, или в гражданские технические учебные заведения, которых в 40-х годах было значительное число в столицах.

В Петербурге в это время была Хирургическая академия, институты: Инженеров-путейцев, Гражданских инженеров, Технологический, Горный, Лесной и межевой, в Москве—Ремесленное учебное заведение (затем Высшее техническое училище), Академия коммерческих наук, Коммерческое училище и Землемерное училище.

При разнообразии технических школ в столицах Украина и Белоруссия оставались без них. Между тем в 40-е годы значительно возрос приток учащихся в Киевский университет с 259 в 1842 г. до 656 в 1848 г. [44 в; VII приложение]. Киевские студенты проявили большой интерес к политической жизни. Некоторые из них сблизались с членами возникшего в Киеве «Кирилло-Мефодиевского братства», которое требовало уничтожения крепостного права, широкого распространения просвещения и отстаивало федеративную республику. В 1847 г. «Братство» было раскрыто, а члены его (в том числе Т. Шевченко и профессор Н. Костомаров) были арестованы. В эти же годы среди киевских студентов-поляков начали формироваться тайные организации. Из боязни политических выступлений учащиеся правительство в 1846 году подчинило Киевский и Харьковский университеты генерал-губернаторам.

Киевский генерал-губернатор Д. Бибииков под впечатлением политических настроений в университете подал в 1847 году Николаю I записку о том, что «было бы полезно образованию молодых людей в учебных заведениях дать направление более материальное, которое, занимая ум их знаниями положительными, не давало бы времени воображению отвлекать их от полезных занятий. Для сего нужны только некоторые преобразования, особенно в курсах гимназий и училищ; тогда можно надеяться, что мечтать о народности, о самостоятельной Польше не было бы места: деятельность материальная уничтожила бы обманы воображения» [44 в; 538].

С этой целью Бибииков предложил открыть при Киевском университете по примеру Петербургского камеральное отделение. Был разработан учебный план этого отделения, в который входили энциклопедия камеральных наук, различные юридические предметы, а также сельское хозяйство, лесоводство, технология, техническая химия, архитектура. Но план остался только планом.

Назревшая потребность в высшей технической школе для Украины, замеченная киевской администрацией, находила себе некоторое разрешение в открывавшемся в Белоруссии земледельческом институте, который, находясь ближе к Украине, чем Москва и Петербург, мог обслужить и Украину. Как известно, перед основанием Киевского университета в 1833 году было решено учредить высшую школу в Белоруссии, в Орше; но затем это решение было отменено, и университет был открыт не в Орше, а в Киеве, который должен был обслуживать и Белоруссию. Теперь же, через 15 лет, предполагалось, что ГЗИ в Белоруссии, близ Орши, сможет стать школой и для украинской молодежи, тем более, что ГЗИ до 1848 года уже фактически обслуживала Украину: учеников-украинцев в ГЗИ было до 10% (из губерний Волынской, Екатеринославской, Киевской, Каменец-Подольской, Харьковской, Херсонской и Черниговской). Горьгорецкая учебная ферма, открытая в 1844 году, обслуживала, кроме русских и белорусских губерний, и украинские: Волынскую, Киевскую, Каменец-Подольскую. ГЗИ, как высшая школа, мог в большей степени удовлетворить потребности Украины в техническом, в данном случае в сельскохозяйственном образовании, чем это было при ГЗИ, а вместе с тем, по предположению правительства, и уменьшить в Киевском университете скопление молодежи, что беспокоило киевскую администрацию.

Таким образом, политика МНП в области высшего образования, направленная на разукрупнение университетов и на усиление профессионально-технического образования, к концу 1847—началу 1848 годов сказалась в некотором отношении на открытии земледельческого института в Белоруссии, в Горках. Но соглашаясь с преобразованием Горьгорецкой школы в институт—высшую школу по университетскому образцу, министр народного просвещения Уваров перед принятием закона о ГЗИ решительно возражал против предоставления окончившим ГЗИ права получать ученые степени по сельскому хозяйству, считая, что этим правом могли пользоваться только окончившие университет [17; 41—42]. МГИ пришлось особо доказывать необходимость предоставления этого права окончившим ГЗИ. Ученый комитет МГИ писал по этому вопросу Уварову, что, во-первых, невозможно требовать от окончивших институт, чтобы они держали в университете еще особые экзамены на звание кандидата университета, во-вторых, сравнение студентов института во всех правах со студентами университетов, в том числе и в праве на уче-

пую степень, является прямым и необходимым следствием новой, более высокой организации института и усиления в нем преподавания специальных наук и, в-третьих, при лишении окончивших институт этого права МГИ будет постоянно встречать затруднения в подыскании преподавателей для ГЗИ.

В конце концов Уваров согласился с приведенными доводами, и в Положение о ГЗИ был вписан следующий пункт: «Звание агронома соответствует званию университетского кандидата, а потому и могут агрономы Горьгорецкого института на одинаковых основаниях с кандидатами быть допускаемы в университетах к выдержанию экзамена в магистры по сельскому хозяйству и садоводству или по технологии» (§ 30).

За месяц до учреждения ГЗИ директор департамента сельского хозяйства Левшин прибыл в Горки для проверки подготовленности высшего разряда земледельческой школы к преобразованию в институт и для выполнения циркулярного предложения МНП «об усугублении надзора по воспитанию в учебных заведениях» [41; 55]. В своем отчете по ревизии ГЗШ [3; № 981] Левшин коснулся учебной и хозяйственной стороны школы. В учебной части хотя он и не нашел признаков «вольномудства», от которого «циркулярное предложение» стремилось удерживать юношество, но предложил прежде всего «не затруднять учеников выучиванием истин слишком отвлеченных и неясных теорий» и главное внимание обратить на участие учеников во всех практических работах, но не чернорабочими. Левшин предложил также при выпуске из обоих разрядов ГЗШ проводить экзамены по всем специальным предметам, пройденным в течение всего пребывания в школе, и, таким образом, заранее ознакомил преподавателей с соответствующим пунктом (§ 13), готового к опубликованию Положения о ГЗИ. К приему учеников низшего разряда, по его мнению, следовало подходить строже, так как некоторые из оканчивающих этот разряд плохо читают по-русски. По его предложению, надо было пополнить учебные кабинеты: увеличить плодовый питомник, устроить лесной участок «по правилам лесной науки», организовать сыроварение и т. п. Чтобы «благоприятствовать, как требовал циркуляр, сохранению среди учеников доброго духа», Левшин предложил отменить некоторые различия в пансионе между учениками высшего и низшего разрядов: давать ученикам низшего разряда на ужин не только один суп или щи, как это было, но и кашу, как и ученикам высшего разряда, а также снабдить учеников низшего разряда одеялами не из белого крестьянского сукна, а из темного фабричного.

Вопрос о преобразовании ГЗШ в ГЗИ был решен в Государственном Совете 7 июня 1848 года на основании представленного проекта Положения ГЗИ и выдвинутых министром Киселевым мотивов, главные из которых были следующие: 1) Земледельческий институт учреждается в Горках по соглашению с министром народного просвещения; 2) ГЗИ с правами высших учебных заведений привлечет к себе больше молодежи, чем ГЗШ, и сумеет подготовить ученых агрономов с высшими теоретическими и практическими знаниями и 3) преобразование не потребует новых ассигнований по сравнению со сметой ГЗШ [1; ф. 1159; № 143—II]. После конфирмации Николаем I решения Государственного Совета Положение ГЗИ 30 июня 1848 года стало законом. Положение состоит из вступления и 5 глав: 1) общие положения; 2) учебное устройство ГЗИ; 3) учебное устройство ГЗУ; 4) управление ГЗИ и 5) права и преимущества ГЗИ [23; 43—54]. Общее построение Положения (порядок глав и деление их на отделы) и его содержание (права и обязанности пре-

подавателей и учащихся) показывают, что образцом для Положения служил университетский устав 1835 года, как наиболее разработанный и определившийся устав высшей школы.

Во вступлении объясняется преобразование школы в институт тем, что эта реформа вызвана «указаниями опыта» и необходимостью устроить ГЗШ «на началах, более соответствующих настоящему ее положению и ее цели».

В главе «Общие положения» указывается основная задача всех трех школ (института, училища и фермы) — это «обучение молодых людей разных сословий рациональному сельскому хозяйству и распространение вообще как теоретических, так и практических сведений о нем» (§ 1). Называя сельское хозяйство, которому должны были обучаться учащиеся, рациональным хозяйством, составители Положения использовали термин, введенный Тэером под влиянием идей рационализма XVIII века и обозначавший хозяйство разумное, научное, поставленное с учетом и знанием законов природы, местных условий и состояния «работающего класса» — крестьян. Так именно объяснял рациональное хозяйство распространенный в сороковые годы «Терминологический словарь сельского хозяйства, фабричности и быта народного» [9 б].

При обучении рациональному сельскому хозяйству Положение считало «непременной обязанностью знакомить студентов как со всеми земледельческими работами, так и в особенности с разными системами хозяйства, со способами перехода от одной системы к другой, с различными выгодами сих систем и условиями применения оных к различным местным обстоятельствам» (§ 9).

Требование Положения обязательно знакомить студентов с различными системами хозяйств, с их преимуществами и правилами перехода от одной к другой, несомненно, имело в виду не только трехпольную систему и хозяйство многопольное с различными севооборотами, но прежде всего крепостное хозяйство и хозяйство при раскрепощенном, свободном труде крестьянина, переход к которому уже намечался.

Что именно такой переход имелся в виду составителями Положения, это подтверждается соответствующими рассуждениями, которые даны Ученым комитетом в отчете департамента сельского хозяйства за 1849 год и которые поясняют кратко сформулированный параграф Положения.

Считая трехпольное хозяйство выгодным для того времени, департамент в этом отчете признавал, что необходим «переход к новому, рациональному хозяйственному порядку, сообразному с законами природы и человеческой деятельности».

Переход этот труден, но постепенно должен совершаться. Многие области России пришли в такое положение, что старый порядок хозяйства делается в них почти невозможным без изменений: народонаселение увеличилось, пашни истощены, луга уменьшились, леса исчезли, новых земель нет; все указывает на необходимость перейти от природы к соответствующему искусству... Не мы одни встречаем затруднения в улучшении сельского хозяйства: так было и с другими народами; но трудности, с которыми они боролись или борются, независимо от местных обстоятельств и географического положения, происходят и от общего порядка вещей и постепенно исчезают с развитием просвещения» [89; 1849 г., II, 16].

«Старый порядок хозяйства» невозможен, необходима борьба с «общим порядком вещей», нужен «новый, рациональный порядок» — все эти выражения при тогдашних цензурных условиях говорили о необходимости перехода к новому сельскому хозяйству с раскрепощенным свободным трудом крестьянина.

Подтверждением правильности данного объяснения значения § 9

Положения служит также и то, что этот параграф в формулировке Положения 1848 года был дословно повторен и в Положении о ГЗИ 1859 года, когда уже определилась неизбежность раскрепощения крестьян. В последующих законоположениях Петровской академии подобного правила не было.

При этом следует также отметить, что Положение о ГЗИ 1848 года не содержит в себе ни одного пункта, который указывал бы на то, что ГЗИ ставился на службу крепостных порядков. В этом отношении Положение о ГЗИ существенно отличалось от Положения о ГЗШ 1836 года, которое имело крепостную основу и которое пытались было использовать крепостники-немцы для поддержания барщинно-крепостнических порядков.

Таким образом, следует признать направленность Положения о ГЗИ 1848 года антикрепостнической. ГЗИ по Положению должен был подготовить молодежь к умению устраивать хозяйство при раскрепощенном крестьянине. Деятельность ГЗИ в указанном направлении и проявилась, хотя и не столь широко, вследствие реакционных мероприятий по высшей школе после 1848 года и строгостей цензуры.

В Положении о ГЗИ 1848 года не раз проводится параллель между ГЗИ и университетом и тем подчеркивается включение ГЗИ в разряд высших школ.

Принимались в ГЗИ, как и в университет, окончившие гимназии без экзамена, неокончившие — по экзаменам за гимназический курс, за исключением экзамена по древним языкам (§ 20). В институте студенты должны были носить форму, принятую в университетах, только с зеленой отделкой на воротнике и обшлагах, вместо синей (§ 27).

Учебные предметы ГЗИ при 4-летнем обучении распределялись (§ 7), как и в учебном плане, составленном Целлическим для высшего разряда ГЗШ, на 1) общие: закон божий, русская словесность, статистика; 2) специальные: полеводство, скотоводство, сельскохозяйственная технология и механика и др. и 3) вспомогательные: математика, физика, химия и др. (учебный план в следующей главе).

Кроме выполнения учебного плана, «для поощрения студентов» ежегодно предлагалась «задача из главных предметов с назначением за удовлетворительные сочинения золотой медали в 30 руб. серебром» (§ 14). На медали и награды студентам института и ученикам земледельческого училища по штатному расписанию ежегодно ассигновывалось 160 руб. Медаль должна была вручаться на торжественном акте (§ 15). Подобные «задачи» и награды за решение их давались и в университетах (§ 104—105 устава 1835 г.).

Предусматривались Положением (§ 12) и агрономические путешествия студентов с профессором, устраивавшиеся до этого времени с учениками высшего разряда ГЗШ. На проведение этих экскурсий ассигновывалось 400 руб. ежегодно.

Число стипендий в ГЗИ по сравнению с ГЗШ было увеличено с 30 до 50, из которых 25 стипендий назначалось студентам института по 110 руб. в год каждая (вместо прежних 70 руб.) и 25 — ученикам земледельческого училища по 70 руб. каждая. Так называемые вольноприходящие допускались к занятиям в институте без всякой платы (§ 25); в университетах же для такой категории учащихся плата была увеличена.

Оканчивающие ГЗИ получали диплом или со званием агронома, приравненным к званию университетского кандидата, или со званием действительного студента агрономии, соответствовавшим званию дейст-

вительного студента университета. Звание агронома выдавалось тем из оканчивающих, которые написали «рассуждение» по одному из главных предметов института, получили одобрительный отзыв за это «рассуждение» и выдержали отлично все экзамены (получив 9 баллов из всех 10). Звание действительного студента агрономии присваивалось всем остальным успешно окончившим ГЗИ и было сопряжено с более низким классом по службе, чем для агрономов.

Кроме того, ГЗИ имел право экзаменовывать на звание агронома и экстернов, которые имели право поступить в институт, но не учились в нем и приготовились к экзаменам самостоятельно (§ 29). Такое право было и в университетах (§ 112 устава 1835 г.).

Особое внимание уделено Положением подготовке профессоров по сельскохозяйственным предметам из среды окончивших институт. Так, получившие звание агронома могли посылаться на казенный счет за границу «для дальнейшего усовершенствования в сельском хозяйстве» с зачетом в государственную службу времени, проведенного за границей, и с правом по прибытии из командировки поступить в адъюнкты (помощники) профессора в институте (§ 31).

Кроме того, в деле подготовки профессоров сельского хозяйства большое значение имело предоставление окончившим ГЗИ указанного выше права получения ученой магистерской степени по сельскому хозяйству, на что так долго не соглашался министр Уваров. Хотя это право использовалось и в ограниченном размере (о чем ниже), тем не менее признание его за ГЗИ, первой высшей сельскохозяйственной школой, способствовало повышению значимости сельскохозяйственного образования и явилось очень важным фактом в истории сельскохозяйственной науки и сельскохозяйственного образования.

Следует также отметить, что среди тогдашних специальных учебных заведений, как институты: Технологический, Горный, Лесной и межевой, Инженеро-путейцев и др., Горыгорецкий институт явился первой высшей специальной школой, получившей и использовавшей право продвижения своих питомцев через университет в ряды ученых. Другие специальные учебные заведения такого права не имели; да и университет, который только один из всех высших учебных заведений мог присваивать ученые степени, имел право присваивать магистерскую степень из практических прикладных наук только по технологии, сельскому хозяйству и лесоводству.

Преподаватели ГЗИ уравнивались в правах и в содержании с соответствующими должностями в университете и гимназии: профессор ГЗИ — с ординарным, а младший профессор ГЗИ — с экстраординарным профессором университета; адъюнкт-профессора и учителя ГЗИ — с учителями гимназии (§ 84—85). Число преподавателей института по сравнению со штатами ГЗШ было увеличено почти в два раза; увеличено также и жалование, что видно из таблицы 5.

Кроме того, преподаватели ГЗИ получали казенные квартиры, чего не имели преподаватели университетов.

Профессора в университете избирались Советом (§ 30 устава 1835 г.), в институте же назначались МГИ (§ 50).

Управление в ГЗИ по Положению проводилось через те же органы, что и в университете: через Совет и правление, сконструированные и наделенные функциями по образцу университетских. Совету института, в который входили профессор и адъюнкты под председательством директора, подлежали учебно-организационные вопросы: распределение

читаемых курсов, перевод учащихся с курса на курс, выпуск студентов и т. п., а также право избрания почетных членов и членов-корреспондентов (§ 80). В правление института входили директор, инспектор классов (в университете декан) и советник (в университете синдик-юрист), избиравшийся из числа преподавателей Советом института и утверждавшийся министерством (§ 60).

Таблица 5

Штат профессоров и преподавателей ГЗШ и ГЗИ по Положениям 1836 и 1848 годов [23; прилож., 3—6, 19—22—44 в; 315]

Звания	Число по штату		Годовое жалование одного преподавателя в руб.		в университете
	1836	1848	в ГЗИ		
			1836	1848	
Профессор	1	1	1280	1400	1630 в столице, 1350 в провинции
Младший профессор	—	2	—	850	980
Адъюнкт-профессор	2	4	600	750	690
Учитель	3	4	300—400	400—600	—
Всего	6	11	3530	8100	—

Кроме денежно-хозяйственных функций, правлению принадлежало наблюдение за «полицейской частью», за порядком в институте и поведением учащихся, для чего в распоряжении правления так же, как и в университете, был экзекутор.

Работу университетского декана: наблюдение за ходом учения в институте и земледельческом училище, за выполнением программ и т. п. — выполнял «инспектор классов», избираемый из профессоров (§ 70).

Во главе института был директор, назначаемый царским приказом и непосредственно подчиненный министру. Директор являлся также начальником земледельческого училища и учебной фермы. Вообще земледельческому институту принадлежало первое, главное место среди учебных заведений в Горках: окончившие земледельческое училище получали аттестат от института, учебные дела училища решались на Совете института.

Наконец, из главы Положения «о правах института и преимуществах чинов оною», составленной по образцу соответствующей главы (VII) университетского устава, можно отметить права, имевшие значение для института, как высшего учебного заведения, издавать в свет речи, рассуждения, программы и отчеты (§ 79) и беспошлинно выписывать из-за границы книги и учебные пособия (§ 81).

Среди прав, характеризующих ГЗИ как высшую школу университетского образца, следует отметить и право ГЗИ устраивать сельскохозяйственные съезды и выставки (§ 16).

Одновременно с преобразованием высшего разряда в ГЗИ низший разряд был преобразован в Горьгорецкое земледельческое училище (ГЗУ) — среднюю сельскохозяйственную школу, устройству которой выделена особая глава в Положении.

При приеме в Земледельческое училище «молодых людей всех свободных состояний, а также и помещичьих крестьян, по желанию владельцев (§ 38), повышались требования в знаниях: уметь правильно читать и писать, знание первых четырех действий арифметики и началь-

ных сведений русской грамматики; тогда как для поступления в низший разряд школы требовалось только уметь читать и писать и знание начал арифметики.

В училище было установлено 25 мест для обучения на казенный счет; вольноприходящие, как и в институте, допускались к учению бесплатно (§ 39 и 40).

Обучение в училище распределялось, как и в институте, на 4 года. Учебные предметы были сохранены те же, что и в низшем разряде до 1848 года. Они подразделялись (§ 34) на общие, специальные и вспомогательные. Специальные предметы: земледелие, скотоводство, домоводство, сельская бухгалтерия и сельская технология — дополнялись по сравнению с учебным планом ГЗШ садоводством, огородничеством и пчеловодством (см. учебный план). Изучение перечисленных предметов должно быть по преимуществу практическим и сопровождаться упражнениями, чтобы ученики «могли не только правильно судить о разных работах и приемах земледельческих, но были в состоянии сами их исполнять» (§ 35).

Так как ГЗУ обслуживалось почти исключительно институтскими преподавателями (§ 36) и пользовалось учебными пособиями института, то оно оказалось в более благоприятных условиях, чем бывший до этого низший разряд школы и открытые вскоре другие земледельческие училища.

Расширение учебной программы, сообщение ученикам за 4 года больших знаний, чем это было в школе, вызвало изменение и в правах оканчивающих.

В то время как оканчивавшие низший разряд ГЗШ под именем «земледельческих учеников» являлись подсобным техническим персоналом у управляющих имениями, по Положению же 1848 года оканчивавшие ГЗУ получали звание ученого управительского помощника, а через 6 лет работы по сельскому хозяйству получали от ГЗИ аттестат на звание ученого управителя, приравненное к правам и званию ученого мастера при окончании технологического института (§ 43—44).

Анализ Положения ГЗИ 1848 года показывает, что по своей структуре ГЗИ был высшим учебным заведением университетского образца — своего рода провинциальным университетом с одним сельскохозяйственным факультетом, что в некоторой степени благоприятствовало развитию сельскохозяйственной науки и распространению сельскохозяйственных знаний. По своему направлению ГЗИ был высшим учебным антикрепостническим, разночинным заведением, подготавливавшим специалистов разных сословий для ведения рационального хозяйства и, в частности, специалистов для намечавшегося уже перехода к некрепостному хозяйству, чем ГЗИ должен был отличаться от ГЗШ по Положению 1836 года.

С появлением в белорусском местечке разночинной высшей сельскохозяйственной школы не могли примириться крепостники, враждебно относившиеся к реформам Киселева и к деятельности МГИ и стоявшие на страже дворянских помещичьих интересов. Защиту этих интересов взяло на себя Петербургское ВЭО, прекратившее в 1844 году руководство школой земледелия Строгоновой (что описано в 1-й гл.) и имевшее в это время (с 1841 по 1859 год) президентом принца П. Г. Ольденбургского, одного из основателей в Петербурге привилегированного дворянского Училища правоведения. По примеру этого Училища и в противовес ГЗИ ВЭО под руководством Ольденбургского основало в феврале

1849 года в Петербурге привилегированное Училище сельского хозяйства для обучения потомственных дворян управлению имениями [23; 56—59 и 66—68]. «Первейшей обязанностью» этого Училища, приравненного к гимназиям, было «неусыпное попечение о воспитании вверенных им молодых людей в страхе божием, в преданности государю и отечеству» (§ 25 устава). Такое воспитание дворянской молодежи соответствовало политике МНП, которое руководило учебной стороной училища, тогда как административно-хозяйственными вопросами ведал Совет ВЭО. Только ученики из потомственных дворян могли учиться на счет ВЭО, отпуская на содержание каждого из них по 280 руб. в год (§ 34), тогда как содержание студента в Горках обходилось, как это указывалось, в 110 руб., а ученика земледельческого училища—в 70 руб. Училище открывалось в Петербурге, так как здесь «оно могло пользоваться, как говорилось в уставе, всеми необходимыми учебными пособиями» (§ 7):

Вскоре выявилась полная несостоятельность этого училища, признанная самим президентом Общества Ольденбургским: в училище учились исключительно потомственные дворяне и не для того, чтобы научиться, как управлять своими имениями, а для того, чтобы получить право на чин в государственной службе, на которую они и определялись. Петербургское училище сельского хозяйства в мае 1854 года было закрыто, а средства, расходовавшиеся ВЭО на училище в размере 4250 руб., были переданы МГИ для открытия земледельческого училища в Харькове и содержания в нем учеников от ВЭО. Так было открыто МГИ на эти средства и средства МГИ Харьковское земледельческое училище при учебной ферме, в 12 верстах от Харькова.

Харьковское земледельческое училище было первым сельскохозяйственным учебным заведением на Украине. Находясь в ведении МГИ и его Ученого комитета, устроенное по образцу ГЗУ, укомплектованное преподавателями специальных предметов из окончивших ГЗИ, это училище получило совершенно иное направление, чем предполагало ВЭО при его учреждении в Петербурге.

Попытка ВЭО поддержать при помощи Петербургского училища помещичье хозяйство и противодействовать политике МГИ в области сельскохозяйственного образования ярче оттеняет антикрепостническую направленность ГЗИ по Положению 1848 года и показывает крепостническую позицию ВЭО, от которой оно не отказалось и в годы начавшейся крестьянской реформы, защищая крепостное право в «Трудах», издававшихся обществом [73; 160—164].

В то время как дворянская школа ВЭО потерпела неудачу, разночинный ГЗИ, наоборот, вступил в пору своего развития. Доступ в институт и в училище молодежи разных сословий, наделение института университетскими правами, освобождение от платы за учение вольноприходящих — все это привлекло молодежь в ГЗИ и ГЗУ больше, чем в предшествующие годы, что видно из следующего сопоставления числа учащихся перед Положением 1848 года и после него (табл. 6).

Преобразование высшего разряда ГЗШ в самостоятельную высшую школу сопровождалось сменой директора. Н. Пейкер, директор ГЗШ, юрист по образованию, был отозван в Петербург и поступил в цензурный комитет, а директором ГЗИ был назначен в апреле 1849 года А. А. Война-Куринский (1800—1868), образованный помещик Холмского уезда, Псковской губ. [1; № 5823].

Таблица 6

Рост числа учащихся после Положения 1848 года

Разряды	Горьгорецкая школа		Горьгорецкий институт		Примечание
	1847	1848	1849	1850	
Высший	43	56	Земледельческий институт	196	Первый прием студентов по Положению 1848 г. был в 1849 г.
Низший	22	25	Земледельческое училище	46	

В 1825 году Война-Куринский окончил медицинский факультет Московского университета со степенью доктора медицины, а затем был врачом в военном госпитале в Динабурге. В 1833 году под влиянием пробудившегося интереса к крестьянскому вопросу и по примеру своего учителя по университету профессора М. Г. Павлова, также доктора медицины, он переменял медицинскую специальность на сельскохозяйственную, оставил врачебную практику и поселился в своем небольшом имении, занявшись его устройством. Деятельность нового МГИ, в особенности с изданием «Журнала МГИ», его заинтересовала и сблизила с редактором журнала Заблоцким, также окончившим Московский университет по физико-математическому отделению. Опубликование Война-Куринским в «Журнале МГИ» (1842, ч. 4 и 5) статьи «О местных хозяйственных условиях Холмского у., Псковской губ.», в которой он уделит внимание крестьянской практике в сельском хозяйстве, определило его дальнейшую деятельность. С 1842 года он—член-корреспондент Ученого комитета МГИ, а затем на службе в 3-м департаменте МГИ по составлению предложений об улучшении быта государственных крестьян. МГИ не раз направляло Война-Куринского в Московскую, Витебскую, Псковскую губернии для изучения быта и устройства хозяйств государственных крестьян и для внедрения картофеля и исследования льняной промышленности. Одновременно Война-Куринский состоял членом Петербургского вольного экономического и Географического обществ. Таким образом, Война-Куринский был назначен директором ГЗИ, как специалист-естествовед с высшим образованием, как практик-хозяин, заинтересованный в улучшении сельского хозяйства и положения крестьян и близкий по взглядам к деятелям в Ученом комитете МГИ.

Сведения об открытии высшего учебного заведения в Горках дошли до Могилевского губернского жандармского полковника Войцеха, который под впечатлением известий из Петербурга о деле петрашевцев сообщил в мае 1849 года начальнику жандармов в Вильно Буксгевдену о преобразовании ГЗШ в институт и о нахождении в Горках около 60 студентов и 50 лиц, готовившихся поступать в институт, и просил разрешения на поездку в Горки для наблюдений, так как его беспокоила возможность появления у учащихся «разных мыслей и мнений, а с ними и вольностей, противных учреждениям и спокойствию».

Получив распоряжение из Вильно, Войцех отправился в Горки, прожил там два дня и сообщил следующее:

«Продажа виноградных вин, трактиры, бильярды появились в местечке со времени увеличившегося там числа приехавшей молодежи.

Я сам видел некоторых студентов, игравших в бильярд; осведомился, что иные из них получают газеты и письма—сии последние из пограничных губерний, как дознал из-под руки в отделении почтовой конторы, в Горках учрежденной. Из всех находящихся студентов некто Рошковский более других вспыльчив и заносчив, более, чем к другим, собирается к нему молодежь, о чем и сообщил директору заведения» [74; 226].

Одновременно с рапортом в Вильно Войцех о своих впечатлениях сообщил и моголевскому губернатору Скалону, который после этого установил в Горках должность станового пристава с правами городских полицмейстеров, обязав его сообщать секретно о студентах института.

Сообщения Войцега через Вильно дошли и до шефа жандармов Дубельта, который доложил о них Николаю I. На донесении Дубельта Николай I сделал две пометки: в том месте, где сообщалось об увеличении молодежи в Горках—«смотреть не мешает», где сообщалось об увлечении студентов бильярдом—«товарищу мин. гос. имуществ велеть обратить на это самое строгое внимание». В результате этих царских резолюций было предписано, с одной стороны, Войцегу периодически наезжать в Горки для собирания секретных сведений не только о студентах, но и о профессорах, а с другой стороны, Гамалею, товарищу министра государственных имуществ, представить списки педагогов ГЗИ и обратить «строгое внимание» на поведение студентов.

В октябре этого же 1849 год Войцех вторично направился в Горки, побывал на лекциях в институте, а также на обеде студентов, учеников и фермеров, удалил из Горок, «как замеченного в вольностях мыслей», Рошковского, о котором он уже сообщал после первого приезда. Удовлетворившись тем, что студентам запрещено ходить в местечко для игры на бильярде, а разрешено играть на бильярде, устроенном в квартире директора, Войцех в то же время возмущался, что студенты в свободное время гуляют по местечку, курят сигары, непочтительны к старшим и в своем рапорте предлагал для «удержания» студентов в рамках должного поведения перевести Горки с местечкового положения на городское («учредить городническое правление»), так как становой пристав, появившийся в Горках, находится в постоянных разъездах, а «сельский староста к удержанию в местечке порядка неспособен» [74; 227].

Николаевский жандарм не обошел и педагогов, в «поведении и образе мыслей» которых, по его мнению, не было ничего подозрительного, и директора, который, по отзывам студентов, «вежлив, но несколько строг, однако гораздо лучше бывшего директора Пейкера, который был груб и дерзок».

Но в то время как в Горках за поведением студентов вне института следили приезжавший из Могилева полковник и местный становой пристав, в Харькове и Киезе, например, часто устраивали «смотри» студентов и обучали правилам поведения сами ген-губернаторы Бибииков и Кокошкин; причем Кокошкин останавливался на улице студентов и требовал у них отчета, почему они «шатаются» по городу, а не сидят дома и «не учат уроков».

В результате предписания жандармского отделения товарищу министра Гамалею представить список педагогов ГЗИ и строже следить за студентами, МГИ представило в отделение соответствующий список, в котором оно не нашло никого подозрительного, и поручило директору департамента Левшину отправиться в ГЗИ, ознакомиться на месте с приемом студентов и не допускать в институте чрезмерного увеличения

учащихся, что начинало беспокоить МГИ, в особенности после приема в 1849 году, когда число студентов с 56 повысилось до 196.

Прием студентов в институт в 1850 году предвиделся большой. Вот как об этом приеме и о причинах прилива поступающих в ГЗИ говорит отчет за 1850/51 учебный год.

«Дознанная опытами польза специального образования, поощрительные меры правительства и дарованные питомцам наших заведений права и преимущества привлекли к нам в минувшем академическом году. Большое число людей, желавших поступить в институт, так что в половине азгуста было подано 110 прошений о допущении ко вступительному экзамену или зачислении в студенты на основании учебных документов» [92; кн. 1, 23].

Прибыв в институт во время приема студентов, Левшин разрешил из поступающих принять 62 студентов (45 без экзамена, по документам, и 17 из выдержавших экзамены) и отказал в приеме 12 выдержавшим экзамены, ссылаясь на отсутствие помещения. Этот отказ в приеме, разумеется, вызывался не недостатком помещения, а указанным выше предложением Гамалея не допускать увеличения учащихся в ГЗИ. После этого число всех студентов в институте в 1850 году (183) оказалось меньше, чем в 1849 году (196).

Вместе с тем МГИ были приняты меры по усилению надзора за так называемыми вольноприходящими, которые не платили за обучение и жили на частных квартирах без институтского надзора, тогда как пансионеры, жившие на казенный или свой счет в институтском интернате, были под наблюдением инспектора классов и эскуатора. В дальнейшем предлагалось самому институту распределять вольноприходящих на пансионеров, обязанных жить в интернате-пансионе, и на непансионеров, которым разрешалось жить на частных квартирах, при этом тех из вольноприходящих, которые казались подозрительными, или переводить в интернат, или исключать из института. Распределение студентов на пансионеров и на живущих на частных квартирах утверждалось департаментом сельского хозяйства [74; 228].

После принятия этих мер Гамалея ответил Дубельту, что МГИ «обращено самое бдительное внимание на сохранение надлежащего порядка и доброй нравственности между молодыми людьми, ныне в институте находящимися».

Таким образом, правительственная политика, направленная на разукрупнение университетов с целью не допускать выступлений студентов и отвлечь их от политических вопросов, нашла свое отражение и в ГЗИ. Открывшийся в отдаленном от столиц белорусском местечке, наделенный правами университетов, ГЗИ привлек несколько больше учащихся и с более высоким уровнем знаний, чем бывшая перед этим ГЗШ. Но боязнь студенческой молодежи была у правительства настолько велика, что и этот институт с его сравнительно незначительным числом студентов подвергся с первого года своего существования особому надзору со стороны охранного отделения. Между тем студенческая молодежь ГЗИ, в большинстве разночинная, откликалась, как и в университетских городах, на общественно-политическую жизнь в первые годы института (случай с Рошковским) и особенно в конце 50-х и начале 60-х годов.

Вместе с тем предоставление ГЗИ университетских прав, установление некрепостнической основы для его деятельности по Положению 1848 го-

ГОРЬГОРЕЦКИЙ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ПО ПОЛОЖЕНИЮ 1848 г.

да, поддержка этой деятельности со стороны Ученого комитета, нахождение ГЗИ в окружении крестьянских хозяйств, продолжение опытных исследований по сельскому хозяйству—все это создало в ГЗИ некоторые благоприятные условия для развития сельскохозяйственной науки и образования, что получило отражение в издававшихся в 50-е годы «Записках ГЗИ».

